

РОМАН
ГЛУШКОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЕМОН ВЕТРА

Эпоха стального креста

Роман Глушков

Демон ветра

«ЭКСМО»

2005

Глушков Р. А.

Демон ветра / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2005 — (Эпоха
стального креста)

ISBN 5-699-08859-8

Суровы и беспощадны законы Святой Европы, где уже несколько веков после глобального катаклизма, сокрушившего современную цивилизацию, властвуют всемогущие Пророки при поддержке Ордена Инквизиции. Для Божественных Судей – инквизиторов – не существует неприкасаемых. Однако им бросает вызов Демон ветра – неуловимый воин Сото Мара. Для него также не существует неприкасаемых, поскольку единственные законы, какие он соблюдает, – это законы воинской чести своих предков.

ISBN 5-699-08859-8

© Глушков Р. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Роман Глушков

Демон ветра

ПРОЛОГ

Он так быстр, что даже ветер не поспевает за ним. Он так стремителен, что промелькнет, и даже молния не успеет блеснуть.
Такуан Сохо. «Хроники меча тайа»

– Что дрожишь? – поинтересовался у подчиненного Гильермо, заметив, что тот перестал наблюдать за округой и, повесив арбалет на плечо, в задумчивости прислонился к стене. – Нахохлился, прямо как ворона под дождем.

– Ветрено сегодня, – зябко поежился Драгомир, кутаясь в плащ. – Знобит. Продуло, наверное.

Драгомир отвечал с неохотой, поскольку знал: если зубоскал Гильермо завел с ним беседу, то только с целью прогнать собственную дремоту, а для Гильермо лучшим средством от дремоты было найти подходящую жертву для насмешек и отвести на ней свою переполненную сарказма душу. И не важно, что, кроме них, на этом участке стены оборонительного периметра больше никого не было, – Гильермо мог изгаляться над своими жертвами без свидетелей. Драгомир подозревал, что даже одиночество не мешает Гильермо зубоскалить, правда смеяться над собственной тенью ему скорее всего не особо нравилось – тень не обижалась.

А Драгомир обижался, причем обижался сильнее других Добровольцев Креста, что служили в гарнизоне Сарагосского епископа. Объяснялось это просто: Драгомир – вспыльчивый серб, переведенный в Сарагосу из Ватикана за многочисленные дисциплинарные нарушения, – еще не успел привыкнуть к бесцеремонности нового командира и поэтому реагировал на его нападки столь болезненно, в то время как остальные его новые сослуживцы уже давно игнорировали докучливого задиру. Гильермо же знал, что заступаться за чужака-сербяника никто не станет, и потешался над ним при каждом удобном случае.

И сегодняшний случай становится исключением не собирався.

– Ну-ну, заливай больше: «знобит, продуло»! – расхохотался Гильермо так, что Драгомир начал опасаться, как бы он не разбудил весь епископат, в том числе и строгого Сарагосского епископа. – Мне давно рассказывали, что сербы трусливы, а сейчас я в этом лишний раз убеждаюсь! Глядите-ка: ветром его продуло! Нет бы взять да честно признаться, что боишься, так ведь даже на это духу не хватает! Разве не видел я в своей жизни, как люди боятся? Видел, и не раз!

– Отстань! – буркнул Драгомир, которого и впрямь знобило от легкой хандры (все еще сказывалась перемена климата), но убеждать в этом Гильермо у него отсутствовало всякое желание. Было лишь одно желание – заехать дешевому хохмачу по зубам. Однако такой справедливый, по мнению Драгомира, но в действительности опрометчивый поступок мог вылиться для него в месяц карцера: не только бить старшего караула, а даже перечить ему запрещал устав.

«Может быть, потом, – лениво подумал серб, потеряв костяшки. – Если будет настроение...»

Гильермо, разумеется, просьбе Драгомира не внял. С тем же успехом «отстань» можно было сказать голодной акуле.

– Уж кому-кому, но тебе, юноша, меня точно не провести! – продолжал Гильермо в своей обычной унижающей манере. – Да от тебя за километр страхом воняет! Перетрусил, аж поджилки трясутся!

– Пусть лучше страхом воняет, чем той тухлятиной, что от тебя несет! – огрызнулся Драгомир, который из юношеского возраста давно вырос и вообще был ненамного младше самого Гильермо. – И кого я, по-твоему, испугался? Не тебя ли случайно?

И презрительно сплюнул, не в сторону старшего караула, конечно, но так, чтобы он догадался: этот плевок не случаен и предназначается ему.

– Меня ты, сербская морда, не боишься потому, что я тебя еще не наказывал, но учти, этот день не за горами, – пообещал Гильермо, после чего вдруг притих и полушепотом проговорил: – Я знаю, кого ты боишься. Ты боишься демона Ветра!

– Кого-кого? – недопонял Драгомир. Как следует расслышать Гильермо ему помешал шелест листвы. – Я боюсь ветра?

– Не ветра, кретин, а демона Ветра! – раздраженно, однако все так же не повышая голоса, ответил старший караула. Похоже, что боялся здесь все-таки он, а не Драгомир. – Не придуривайся; хочешь сказать, что за месяц, который ты у меня служишь, ни разу не слышал о демоне Ветра?

– За месяц в Сарагосе я только и слышу твое лошадиное ржание! – не преминул взять небольшой реванш Драгомир. – И вы еще смеете называть сербов трусами! А сами-то лучше? В штаны накладываете, как только ветер сильнее подует! Демоны, видите ли, у них по ветру носятся! Единственные демоны, в которых я верю, поскольку видел их собственными глазами, – это те, которых русские укротили: огромные стальные твари с крыльями, ревущие в полете так, что земля содрогается...

– Заткнись! – взвизгнул вскипевший от такой беспардонности Гильермо, после чего осекся и начал испуганно озираться по сторонам. – Заткнись, безбожник! – продолжил он уже на полтона тише. – У русских не демоны, а машины – это у нас в Сарагосе даже дети знают! А демон Ветра действительно существует!

– Ты его видел? – скептически хмыкнул Драгомир.

– Его никто не видел! Я имею в виду: никто из живых! Все, кому не посчастливилось с ним столкнуться, погибли! Демон разордал их когтями, как ястреб цыплят!

– Люди кровожаднее всяких демонов, – заметил серб. – Некоторым что свинью выпотрошить, что человека. Говорят, их кровожадность – врожденная болезнь, что-то с головой не в порядке.

– Похоже, ты и впрямь ничего не знаешь, иначе не спорил бы как упрямый протестант, – проворчал старший караула, первый раз в присутствии Драгомира признавшийся, что ошибался. Факт был из ряда вон выходящий, и серб счел это собственной победой. Пусть маленькой, но победой. И потому с присущим победителю великодушием временно забыл о неприязни к Гильермо и попытался вызвать зубоскала на простой человеческий разговор, благо до конца смены было еще долго, а тема для беседы вырисовывалась хоть и «не к ночи будет помянута», однако все равно достаточно интригующая.

– Почему же ваш потрошитель объявлен демоном? – нарочито дружелюбно полюбопытствовал Драгомир, для удобства слушания даже сняв с головы капюшон плаща. – И почему именно демоном Ветра?

Гильермо посмотрел на Драгомира, как педагог на глупого ученика, задавшего вопрос «почему люди не летают?», но до разъяснений милостиво снизошел:

– А разве обычный человек способен становиться невидимым и проходить сквозь стены? Демон Ветра делает это шутя. А почему именно «Ветра»? Да потому, что появляется он лишь тогда, когда непогода и ветер. Не было еще случая, чтобы он появился при безветрии и безоблачном небе.

– И что, ваш демон Ветра летает при каждой непогоде?

– Не знаю, как в других епархиях, – признался Гильермо, кажется, уже забывший, что пришел сюда с целью позубоскалить, а не заниматься просветительством, – а в Испании его видели уже не однажды. Последний раз – месяц назад, аккуратно перед твоим приездом. Только не говори, что ты и об убийстве главного казначея епархии Марко ди Гарсиа ничего не слышал.

– А, это тот, чью отрезанную голову до сих пор не нашли, – припомнил Драгомир. О жестоком убийстве одного из богатейших граждан Мадридской епархии он был наслышан сполна. – И с каких пор его убийство стали приписывать демону Ветра? До меня доходили слухи, что это сделал кто-то из слуг казначея.

– Мой старший брат служит Защитником Веры в Мадриде! – с гордостью заявил Гильермо, тем самым как бы пресекая любые сомнения серба в правдивости своих слов. – Так вот, брат сказал, что версия о причастности слуг отпала сразу, как только были расследованы все детали этого дела...

– Чертовски любопытно.

– Не перебивай, невоспитанный серб!.. Так вот, врагов у Марко ди Гарсиа имелось много, и охрана у него, само собой, была натаскана не хуже охотничьих псов. А в последнее время он явно опасался за свою жизнь сильнее обычного, поэтому несколько бойцов охраны дежурили даже у него в спальне.

– Ему угрожали?

– Этого так и не выяснили, но незадолго до своей гибели казначей стал шарахаться от каждой тени: значит, все же что-то предчувствовал... Дом у него гораздо неприступнее, чем этот... – Гильермо обвел рукой вверенную ему под охрану резиденцию Сарагосского епископа, – поэтому сначала и решили, что проникнуть туда извне никто не мог в принципе. Но по выяснении обстоятельств пришли к выводу: убийство совершил чужак.

– Демон Ветра! – не сдержавшись, усмехнулся Драгомир.

– Слушай, будешь перебивать – оставлю на вторую вахту! – пригрозил Гильермо.

– Извини, больше не буду, – ответил Драгомир. Извиняться перед Гильермо абсолютно не хотелось, но, во-первых, этот мерзавец мог и впрямь организовать Драгомиру бессрочное патрулирование на продуваемой холодным ветром стене, а во-вторых, очень уж хотелось дослущать историю до конца.

– Мерзнешь тут вместе с ними за компанию, и никакой благодарности, – буркнул Гильермо, немного посопел в обиде, но к рассказу все-таки вернулся. – ...В общем, на чужака указывало всего одно доказательство, зато бесспорное: не было среди слуг ди Гарсиа такого, который мог бы хладнокровно разделаться одновременно с тремя охранниками и самим Марко, причем разделаться так, что из его спальни не раздалось ни звука! Ты только представь своей тупой башкой: убить четверых вооруженных людей за считанные секунды не то что без автомата или дробовика, а даже без обычного пистолета!

Драгомир промолчал, но мысленно с Гильермо согласился: действительно, в голове подобное не укладывалось.

– ...Словно сама Смерть по спальне казначея косой прошлась, – продолжал старший караула. – Четыре истерзанных чем-то острым тела, а у ди Гарсиа и вовсе голова отрезана. Но это еще не все. – Гильермо драматично понизил голос, готовясь сообщить самую сногшибательную, на его взгляд, новость. – По оставленному на полу кровавому следу удалось выяснить, что голову Марко унесли на крышу, откуда она в свою очередь также исчезла! След оборвался с концом. Будто тот, кто нес голову, просто взял да улетел. И кто, по-твоему, кроме крылатого демона, мог такое сотворить?

– Следует понимать, что в ту ночь на дворе стояли непогода и ветер? – попросил уточнения Драгомир, которому рассказанная история все равно показалась больше чем наполовину

придуманной небылицей, даже несмотря на клятвенные уверения рассказчика в ее правдивости.

– Ветер в ночь убийства ди Гарсиа завывал будь здоров! – подтвердил тот. – Я тоже помню ту ночь: в Сарагосе тогда с церкви Санта-Марии Магдалены крест сорвало. Чуешь, что к чему: демон Ветра резвился, не иначе! И в предыдущих случаях все происходило примерно тем же образом: никакие стены, никакая охрана не помогала; ночью лишь вой ветра, а поутру изуверченные тела да кровь повсюду.

– Этот демон, он что – убивает одних богачей, а крестьянами и искателями брезгует? – поинтересовался Драгомир. Подобная странность демона Ветра показалась ему любопытной.

– Ты груб и неотесан, как любой серб! – фыркнул Гильермо. – Если бы ты хоть немного напряг свои жалкие мозги, то догадался бы, что ближайшие слуги Дьявола никогда не будут питаться кровью черни! Кровь благородных сеньоров – вот их насущная пища! Души благородных сеньоров – вот то, за чем они охотятся! А кровью и душами черни прельщаются в основном вампиры да ведьмы, которых – хвала Инквизиционному Корпусу! – последнее время стало гораздо меньше.

– Ну хорошо, пусть это сделал демон Ветра, – согласился Драгомир, давно уяснивший своими «жалкими мозгами», что спорить с упрямым и злопамятным Гильермо будет себе дороже. – А тебе никогда не приходила мысль о том, что демон не мог появиться здесь сам по себе?

– Ты хочешь сказать, что кто-то из смертных способен регулярно вызывать из Ада это чудовище и мало того – заставлять его подчиняться? – переспросил Гильермо. Драгомир кивнул. – Это каким же специалистом по черной магии надо для этого быть!.. Нет, серб, ты, как всегда, не прав. Всех крупных колдунов давно рассекретили и предали Очищению, а оставшимся на свободе их подмастерьям-недоучкам такое серьезное дело точно не по зубам. Ты опять говоришь свои обычные глупости!

– Ну, не знаю... – пожал плечами Драгомир. – Может быть, кто-то из еще не пойманных гениев магии продолжает бегать по округе от инквизиторов. Всегда можно вычислить, кому была выгодна та или иная смерть, и схватить этого человека. Понятное дело, что среди ваших благородных донов это сделать достаточно сложно. Они веками грызутся между собой, и найти в Испании двух друзей среди представителей высших сословий просто нереально. И все же, чем сразу пасовать перед всемогущим демоном Ветра, следовало бы для начала поискать заинтересованного в его появлении человека.

– Экий ты, я гляжу, самоуверенный! – как и ожидалось, все, казалось бы, разумные доводы Драгомира были восприняты Гильермо в штыки. – Неужели думаешь, что среди Защитников Веры и магистров Ордена Инквизиции никто этим вопросом не задавался? А там служат люди не чета нам с тобой... тебе – в особенности. Так что, если бы к появлению демона был причастен смертный, его бы давно схватили. Однако демон продолжает свои кровавые пиршества до сих пор.

«Сказочник! – подумал Драгомир о Гильермо. – Небось наврал с три короба, а казначея и прочих на самом деле прикончили наследники и не признаются. Сколько слышал на своем веку о загадочных убийствах всяких толстосумов, все случилось из-за денег или наследства. И никуда жирным ублюдкам от этого не деться – чем больше имеешь, тем больше желающих это у тебя отнять».

А вслух добавил:

– Ерунда, выловят вашего демона Ветра не сегодня, так завтра. Охотники Инквизиционного Корпуса и не таких чертей-невидимок на свет божий за рога извлекали.

– Как же, надейся: «выловят», – мрачно усмехнулся Гильермо. – Разве можно поймать ветер?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

Одного из молодых господ как-то наставляли, что «сейчас» – это и есть «то самое время», а «то самое время» – это и есть «сейчас».

Человек ничего не стоит, если он не понимает, что «сейчас» и «то самое время» – это одно и то же... Если же человеку удастся свести «сейчас» и «то самое время» воедино, он – настоящий слуга...

О достоинствах людей прошлого можно судить по тому, как поступают их потомки.

Ямамото Цунэтомо. «Хагакурэ»

Сото Мара просыпался рано, задолго до того, как в асьенде дона Диего ди Алмейдо начала кипеть жизнь. Повара и дворники – слуги, что обычно приступали к своим обязанностям раньше других, – еще видели предрассветные сны, когда приземистый байк Сото уже урчал мотором перед воротами асьенды, а стражник с недовольным лицом отпирал многочисленные засовы. Привратникам, да и прочим *tiradores mercenarios*¹ из охраны дона ди Алмейдо такие ранние поездки их старшего тирадора казались странными, однако спрашивать о целях этих поездок у Мара они не пытались – все равно не ответит.

Поговаривали, что немногословный наемник ездит на свидания с дочерью пастора ближайшей деревеньки. Но даже те, кто выдвигал подобные версии, не могли объяснить, почему Сото отправляется в путь перед рассветом и возвращается аккурат к завтраку слуг – отрезок суток для романтических встреч, мягко говоря, не самый подходящий. Тирадоры, служившие у дона ди Алмейдо с давних пор, утверждали, что Мара совершает свой ежеутренний мотомощион уже много лет и лишь дождливая погода заставляет его отступать от подобной традиции. Вряд ли какая из местных сеньорит, а тем паче дочь пастора, сумела бы придерживаться столь жесткого графика свиданий такое продолжительное время.

Между тем никакого секрета в поездках Сото Мара не было, и уезжал он от асьенды ди Алмейдо совсем недалеко (сеньор просто не одобрил бы большой расход горючего на личные нужды слуг, хотя и относился к своему старшему тирадору с благосклонностью). Сото выезжал на проходившую мимо асьенды дорогу, двигался по ней чуть больше километра, а затем сворачивал на узкую тропку, которую за все эти годы сам и прокатал. Тропка, пропетляв по заросшему дикими лимонными деревьями склону, выводила мотоциклиста на берег Эбро – самой крупной из рек Мадридской епархии, что текли на восток.

Мимо облюбованного Мара местечка редко кто хаживал даже днем – что интересного может быть на каменистой береговой полоске, к которой следовало продираться через заросли лимонных деревьев и шафрана? А в утренние часы здесь и вовсе царил полная безмятежность, нарушаемая лишь плеском речных волн да ленивым шелестом листьев. Окружающая обстановка идеально подходила для ценителя уединения, каким являлся старший тирадор дона ди Алмейдо Сото Мара, в церковной метрике которого, однако, значилось совершенно другое имя: Луис Морильо...

Когда Сото обычно прибывал на берег, предрассветные сумерки только-только начинали рассеиваться, а ранние птицы заводили свои песни. Время это выбиралось Мара не случайно. Он появлялся здесь затем, чтобы насладиться единственным природным явлением, которое потрясало его до глубины души с раннего детства – именно тогда Сото впервые сумел оценить величие этого явления и с тех пор не мог прожить и недели, чтобы не увидеть его снова.

¹ Наемным стрелкам. (Здесь и далее – исп.)

Сото восхищался восходом солнца. Восхищался изо дня в день, из года в год. Он приезжал именно сюда, где небесное светило появлялось не из-за гор, уже ослепительно-яркое, – а медленно и величаво, подобно омывающему тело в речных водах божеству, выплывало на небосклон напрямик из Эбро. Мутный Эбро единственный раз за весь день озарялся пурпурными бликами и обретал жизнерадостный вид, словно он вместе с Сото восторгался восходом, чтобы затем вернуться к обыденной жизни и продолжать угрюмо катить волны к Средиземному морю.

Воистину прав был древний поэт, предок Сото Мара, когда писал об этих мгновениях:

Когда белые облака собираются вместе,
Утренняя краса уже поблекла.

На своем веку тирадор успел повидать немало картин (кстати, сеньор ди Алмейдо обожал живопись и держал у себя небольшую картинную галерею) и послушать различную музыку – от искрометного фламенко до унылых песнопений скандинавов, – но ни одно творение человеческой фантазии не смогло потрясти его так, как потрясало природное великолепие обыкновенного восхода. Бесспорно, Сото много раз наблюдал и закат, но в уходящем за горизонт гаснущем солнце было что-то траурное, а траура Мара насмотрелся и в жизни. Светлую же радость, которая наполняла его при любовании восходом, он ощущал лишь здесь, на каменистом берегу Эбро, и нигде больше. Именно ради этих мгновений Сото вставал в несусветную рань, и именно они регулярно наполняли его удивительно мощным зарядом внутренней энергии, способной вернуть к жизни даже мертвеца. И если любовь, голод, гнев, усталость и прочие человеческие чувства Сото мог описать простыми словами, то это чувство было необъяснимо даже ему самому, как порой бывают необъяснимы сновидения. Ибо как внятно растолковать кому-то другому, что творится лишь в бездонной глубине твоего сознания?

Сото пытался разобраться в причинах своего неудержимого стремления видеть то, на чем окружающие его люди не заостряли ни малейшего внимания. Наемник чувствовал, что истинная разгадка его страсти не так уж и сложна, поскольку наверняка лежит где-то на поверхности, однако по каким признакам выделить ее из множества прочих разгадок, он понятия не имел. Поэтому довольно длительный период – все детство и первую половину юности – Сото (вернее, тогда еще не Сото Мара, а Луис Морильо) просто глядел на восход солнца, ни о чем не задумываясь и с детской беззаботностью ликовал над тем, что видел, ни на йоту не вникая в суть этого ликования.

Юность давно миновала, и сегодня Сото утолял свою страсть с каменным выражением лица, без тени улыбки. Где-то на дне его души продолжал трепетать ребяческий восторг, но прорваться сквозь вселенскую невозмутимость, что обуревала Мара при созерцании восхода, восторгу было не дано так же, как не дано лишенной крыльев птице подняться в воздух.

Не дано уже никогда.

Луис Морильо вырос в церковном приюте вместе с сотней подобных ему сирот. О своих родителях он знал немного: они являлись членами какой-то незаконной секты, угодили в руки Божественных Судей – Экзекуторов и были преданы Очищению Огнем, тем самым перепоручив заботу о годовалом Луисе приютским наставникам. Не такая уж удивительная судьба для жителя Святой Европы, если задуматься.

Детство Луиса нельзя было назвать счастливым и по другой причине. Казалось бы, мальчуган был довольно смышлен и неплохо развит физически, однако сверстники очень быстро дали ему понять, что он не такой, как все, и потому принимать равноправное участие в общих играх не может. И если даже кто-то из сверстников был бы не прочь дружить с Луисом, не делал он этого из элементарного соображения – дабы самому не стать таким же изгоем.

Так уж заложено в детской природе, а тем более в природе детей, растущих в приютах: кто выделяется из остальных, не важно чем – избыточным весом, дефектом внешности или речи, хилостью тела, слабовольным характером, – тот всегда служит объектом насмешек и издевательств. И маленький Луис Морильо исключением из правил не был, хотя ожирением не страдал, не заикался, от драк не бегал и никаких ярко выраженных уродств не имел.

Точнее, это Луис считал, что не имел уродств. К несчастью, мнение Луиса по этому поводу не учитывалось не только сверстниками, но и воспитателями, убежденными в том, будто необычная внешность мальчугана – не что иное, как неизбежное отмщение Господа за тяжкие грехи его родителей. Действительно, лицо Луиса настолько сильно выделялось на фоне лиц прочих воспитанников, что его донельзя широкие скулы, маленький приплюснутый нос и в особенности чрезмерно узкий разрез глаз считать нормальными не желал никто. А когда вдобавок к этому мальчик злобным волчонком исподлобья глядел на окружающих...

– Дьявольские глаза! Дьявольский ребенок! – так отзывался о Луисе настоятель приюта, при этом всякий раз осеняя себя крестным знамением.

Нелегкая судьба: родиться в стране, где властвует Глас Господень, он же Великий Пророк, и свирепствует Инквизиция, быть сыном родителей-отступников и благодаря необычной, а для многих отталкивающей, внешности прослыть в церковном приюте «дьяволенком»... Понятное дело, что одиночество Луису было предопределено еще в детстве.

На «дьяволенка» Луис не обижался, но крайне унижительное, на его взгляд, прозвище «узкоглазый» задевало его и заставляло остервенело кидаться на обидчиков с кулаками. Такие всплески ярости демонстрировали очень странную черту характера немногословного мальчика, способного буквально за долю секунды выйти из себя и столь же стремительно вернуться к прежнему спокойному состоянию.

Благодаря этой неестественной для ребенка взрывной и быстро затухающей агрессии, помимо «дьяволенка» и «узкоглазого», к десяти годам Луис обзавелся третьим прозвищем – «бешеный». Мальчик даже не знал, обижаться на него или нет, поскольку, когда тебя дразнят «бешеным», а ты тут же впадаешь в бешенство, этим ты невольно подтверждаешь правоту обидчика. И Луис принял на этот счет соломонино решение: обижался на «бешеного» лишь тогда, когда его действительно хотели оскорбить; в противном случае он просто не откликался.

Несмотря на достойную взрослого драчуна ярость, редко когда «дьяволенок» выходил из драк победителем, пусть и был он при этом крепким и подвижным ребенком. Луиса били нещадно, обычно группой и до тех пор, пока не вмешивался кто-либо из воспитателей. После таких стычек мальчик уединялся в укромном уголке на чердаке и предавался горестным размышлениям. Думал он о том, что раз в этом мире все устроено по божьей справедливости (так из года в год учили Луиса его наставники), то, видимо, он – Луис – и впрямь расплачивается за родительские грехи, поскольку обидчики его за свои поступки не расплачивались никогда, ну разве что воспитатель накричит на них, и только. И если сверстники частенько отождествляли себя в играх с добрыми и сильными сказочными героями, то, глядя на них, Луис невольно относил себя к героям отрицательным, на которых в конце концов и обрушивается заслуженная кара.

Именно тогда, скрываясь в одно прекрасное утро на чердаке от обидчиков, Луис открыл для себя всю красоту восходящего солнца.

Солнце поднималось из-за гор, и казалось Луису, что оно единственное в мире, кто улыбается ему – бешеному узкоглазому «дьяволенку». Улыбается искренне и по-доброму, как улыбаются своим детям любящие матери и как никто из людей еще никогда не улыбался мальчугану.

С той поры он полюбил солнце и старался встречать рассвет каждое утро, если, конечно, на дворе не стояла пасмурная погода. Маленький Луис видел в солнце живое существо, что появлялось на Земле из высшего мира. Оно было намного реальнее и добрее того Бога, о кото-

ром талдычили наставники и который так жестоко спрашивал с мальчика за ошибки его родителей...

Пребывая в умиротворенном настроении, какое он всегда испытывал после утренних прогулок, Сото Мара загнал байк в гараж и направился к своему флигелю. Там он проживал с того дня, как сеньор ди Алмейдо назначил его старшим тирадором. Прочие наемники, охранявшие асьенду и сопровождающие дона в его поездках – лично отобранные Сото из лучших своих подчиненных, – жили на казарменных условиях в полуподвальном помещении под главным зданием.

Путь к флигелю, что стоял на холме у самой оборонительной стены, пролегал под сенью платановой аллеи. Сото всегда старался ходить здесь неторопливо – ему нравилось это место. Ветви платанов сходились над головой, и Мара чудилось, что он идет не по аллее, а по живому коридору с движущимися в такт порывам ветра стенами. Сплетенные кроны деревьев создавали причудливые арки, какие не воспроизводил в камне еще ни один архитектор.

Однако сегодня маленькая пешая прогулка перед завтраком не получилась. Едва ступив под тень платанов, Сото тут же припустил по аллее бегом, поскольку обнаружил, что оставленный им перед поездкой к реке привычный порядок вещей нарушен – дверь в его флигель была распахнута настежь. И хоть Сото никогда не запирал ее – ценных вещей он не имел и воровать у него было абсолютно нечего, – дверь не могла открыться от обычного сквозняка, поскольку имела пружинную защелку.

Стараясь держаться в тени и не скрипеть половицами, Сото беззвучно переступил порог флигеля и сразу понял, что нечистые на руку слуги сеньора (к сожалению, попадались и такие) тут ни при чем.

– Прошу прощения, сеньор, за долгое отсутствие. Меня не известили о вашем приходе, – проговорил Сото, отпуская учтивый полупоклон. – Простите, что заставил вас ждать.

Дон Диего – а именно он пришел во флигель во время отлучки Сото – вздрогнул и уронил на пол книгу, которую в это время листал.

– Напугал! – обернувшись, укоризненно покачал головой дон и собрался поднять оброненную книгу, но тирадор опередил его. Не успел еще хозяин асьенды сделать и шага, как Мара уже протягивал ему книгу.

– Простите, что напугал... – начал было Сото снова извиняться, однако дон ди Алмейдо перебил его:

– Прекрати, Сото. Это я должен просить у тебя прощение за незаконное вторжение.

– Ну что вы, сеньор, – смутился Мара. – Как можно! Вы же знаете: мой дом – ваш дом.

Дон Диего усмехнулся и кряхтя опустился на заскрипевший под ним стул. Книгу он положил на колени, открыв ее, очевидно, на той странице, где прервал чтение. Вслед за сеньором присел на краешек кровати и Сото – негоже почтительному слуге разговаривать с сидящим господином стоя; так диктовал кодекс чести предков Мара; предков, представителей той нации, которой Сото принадлежал в действительности, а не той, среди которой ему суждено было родиться и жить...

Мара молчал, поскольку сеньор тоже молчал. В данной ситуации воспитанному слуге не пристало задавать вопросы господину. Дон ди Алмейдо соизволит обратиться к старшему тирадору тогда, когда сам сочтет нужным.

Прежде чем завести разговор, дон счел нужным немного поиспытывать терпение слуги: несколько минут он в молчании перелистывал страницы книги. (Сказать по правде, дон Диего в жизни не смог бы изобрести воистину суровое испытание для выдержки Сото Мара, как не сумел бы он вплавь пересечь море. Наверняка ди Алмейдо догадывался об этом.)

– Занятные вещи ты читаешь, – заметил сеньор, зевая. В отличие от Сото, он проснулся совсем недавно. – Я не силен в английском и потому почти ничего не понял. Скажи: вот эти люди – кто они?

И, развернув книгу, дон ди Алмейдо указал на иллюстрацию в ней. Картинка представляла собой черно-белую фотографию, довольно качественную, поскольку сделал ее неизвестный фотограф Древних (в Святой Европе фотография только-только начинала возрождаться; ученые дьяконы лишь недавно раскрыли секрет фотоэмульсии на основе солей серебра).

На фотографии были запечатлены люди с белыми повязками на голове, построенные в шеренгу на фоне небольших крылатых конструкций с пропеллерами. Не нужно было обладать острым зрением, чтобы определить: люди эти чертами лица, а особенно узким разрезом глаз, очень похожи на Сото Мара. Не будь книга выпущена Древними, дон ди Алмейдо мог бы с полной уверенностью подумать, что на фото изображены не просто ближайшие родственники Сото, а даже его родные братья. Книга была написана на английском языке, которым в Святой Европе пользовались лишь выходцы из Лондонской епархии да дьяконы всевозможных Академий при переводах найденной искателями литературы.

– Это мои древние предки. Именно этих людей называли камикадзе, что на их языке означало «божественный ветер». Камикадзе садились в начиненные взрывчаткой машины, которые вы видите на заднем плане, поднимались на этих машинах в воздух, а затем направляли их на корабли врага.

– Как же они спасались? – недоуменно вздернул брови дон Диего. – Прыгали в море?

– Они не спасались, – покачал головой Мара. – Они взрывались вместе со своими машинами и вражескими кораблями.

Ответ тирадора вогнал дона в еще большее недоумение.

– Какие странные у тебя предки, – пробормотал он, почесав макушку. – И как странно они воевали... Да на такую армию солдат не напасешься.

– Так поступали далеко не все солдаты их армии, сеньор, – уточнил Сото. – Причисление себя к камикадзе являлось показателем высшей доблести. Ими становились лишь лучшие из воинов.

– Их к этому принуждали?

– Вовсе нет. Все они – добровольцы, следующие кодексу чести воина. Пожертвовать собой во имя человека или страны, которым служишь, – это главный принцип их воинского кодекса. Пренебречь им – значит навести позор на себя и на весь свой род.

– Я вижу, в понятиях чести твои предки были сродни моим, – уважительно кивнул дон ди Алмейдо. – Собственная жизнь – ничто. Честь рода, честь господина, честь страны – вот истинная ценность. Это хороший принцип, правильный принцип... Жаль, что сегодня он практически забыт... Твои предки победили в той войне?

– Нет, сеньор, – потупился Сото, испытывая неловкость. И пусть с тех времен минули века, и неизвестно, существовала ли вообще сегодня страна его предков, Мара все равно не мог говорить без стыда о поражении воинов, чья кровь текла в его жилах. – Их враг был неисчислим и жил за океаном в стране, что была больше страны моих предков во много раз. Враг отказался воевать честно и пошел на подлость. Он использовал разрушительное оружие огромной силы, которым мои предки не владели. Он уничтожил два их мирных города и пообещал уничтожить еще, если те немедленно не сдадутся. Разумеется, они были благородными воинами и не могли подставить под удар вместо себя женщин и детей, поэтому покорились.

– Какое коварство! – возмутился дон. – Труссы, что не умеют драться, всегда бьют в спину и стреляют из-за угла!.. И что же было дальше?

– Я доподлинно не знаю, сеньор, – ответил Сото. – Кажется, потом наступил всеобщий мир и враг перестал считаться врагом. Мои предки начали с ним торговать, но солдаты врага

все равно топтали их землю и держали свое дьявольское оружие наготове. Скорее всего так продолжалось до Каменного Дождя.

– И все это ты прочел в своих книгах? – поинтересовался дон Диего, указав на полку тирадора, где лежали десятка два потертых книжных томов различных объемов. Некоторые из книг выглядели настолько истлевшими, что было боязно брать их в руки – того и гляди, рассыплются, как сухие осенние листья.

– Да, сеньор, – подтвердил Сото. – К сожалению, это все книги о стране и обычаях моих предков, что я смог отыскать. Но даже их я не сумел прочесть все. Треть книг написана языком, которого не знает ни один святоевропеец.

– Я уже обратил на них внимание, – подтвердил дон. – Странные письма. Если так вычурно выглядят буквы твоих предков, как же звучал их язык?

– Однажды в юности я задал похожий вопрос одному ученому человеку, – сказал Мара, – а он в ответ попросил меня произнести вслух по-английски названия городов и имена моих предков, что встречаются в понятных книгах. После того, как я сделал это, ученый человек сказал, что я самостоятельно ответил на поставленный вопрос.

– Весьма любопытно... – Дон ди Алмейдо уткнулся в книгу и по слогам прочел: – Хок-кайдо... Ямамото Цунэтомо... – проклятье, язык сломаешь! – Фудзияма... Токио... Мацуо Басе... Сатоши Накамура... А это имя похоже на твое!

– Свое имя я тоже взял из этих книг.

– Вот как? А я-то все годы, что тебя знаю, думал, будто оно русское или скандинавское! Каково же твое истинное имя?... Впрочем, не отвечай, раз человек меняет себе имя, значит, на то есть веская причина. Мне вполне достаточно того, что тебя зовут Сото Мара... Хотя мне все-таки было бы интересно узнать значение твоего странного имени. Окажи честь, просвети старика... если, конечно, тебе самому известен ответ.

Сото замешкался. Подобные вопросы ему задавали и раньше, но он на них никогда не отвечал. Тайну происхождения своего имени тирадор предпочитал не открывать никому. Но сегодня его спрашивал не случайный знакомый, а дон Диего ди Алмейдо – человек, от которого у Сото в принципе не должно быть никаких тайн.

– Я сменил свое прежнее имя на «Сото» еще в юности, – принялся выполнять пожелание сеньора Мара. – Оно схоже со старой испанской фамилией, но я взял его по другой причине. Так звали одного великого древнего воина, большого знатока боевых искусств, написавшего о них книгу. К тому же оно понравилось мне еще и тем, что очень напоминало удар меча, с которым я тогда не расставался. Вслушайтесь, сеньор: «Со...» – словно короткий свист клинка по воздуху, а после «...то» – глухой звук, как при попадании в цель.

В доказательство своих слов Сото даже воспроизвел характерный замах и стукнул по подушке ребром ладони, что играла роль воображаемого меча.

– И впрямь есть что-то общее, – согласился дон.

– ...Второе имя «Мара» я взял гораздо позже, – продолжал Сото, но голос его звучал мрачнее. – Значение этого имени мне также известно. Мара – демон, или по-другому – «похититель жизни».

Дон невесело усмехнулся. Похоже, подобная расшифровка имени тирадора, честно отслужившего ему много лет, явилась для него неожиданностью. «Интересно, что бы сказал наш местный Божественный Судья-Экзекутор, когда вдруг проведал бы, что среди моих слуг затесался демон!» – так можно было трактовать кривую усмешку дона Диего.

– Не знаю я тебя столь хорошо, как знаю, то немало удивился бы, отчего это вдруг человек называет себя именем злого духа, – заметил сеньор. – Но имена твои – как первое, так и второе – подходят тебе как нельзя кстати, да ты и сам это понимаешь... Уж извини за откровенность, но ты действительно страшный человек, Сото. Даже я порой тебя побаиваюсь...

– Ни вам, ни членам вашей семьи не следует меня бояться, сеньор! – пылко поспешил уверить его Мара, хотя скорее всего дон ди Алмейдо поведал о своем страхе в шутку. Хозяева не боялись верных псов, которые не раз доказывали, что готовы по их команде разорвать глотку любому недругу.

– И все равно, порой твои поступки меня настораживают, – поморщился дон. – И не только меня, но и многих слуг, в том числе твоих подчиненных. Скажу по секрету, когда ты устроился ко мне на службу, жаловались на тебя едва ли не каждый день. Ответь, зачем ты распорядился перестроить мой тир? Чем тебя не устраивал старый?

– Я не мог допустить, чтобы пули и стрелы летели в направлении вашего дома, сеньор!

– Так ведь тир закрыт со всех сторон! – воскликнул дон ди Алмейдо. – Там бетонные стены толщиной в два локтя!

– Не в этом дело, сеньор, – спокойно возразил Сото. – Даже если бы ваш тир находился на другом конце Сарагосы, пули и стрелы тирадоров не должны лететь в сторону сеньора. Это очень грубое неуважение.

– Никогда не слышал о такой традиции! – удивился дон. – Но, кажется, понимаю, откуда ты ее сюда привнес. Что ж, похвально. Я весьма тронут... Ну хорошо, пусть так. Тогда объясни еще вот что: почему ты на первых порах позволял себе распускать руки по отношению к подчиненным? Они жаловались мне, что ты можешь ни за что ни про что ударить любого из них.

– Я не могу спокойно слушать, сеньор, когда за вашей спиной о вас говорят различные гадости. Если человек поступает на службу к сеньору, он не должен о нем даже мыслить плохо. Это...

– ...опять грубое неуважение, – закончил за него дон. Сото кивнул. – Ну здесь, дружище, ты, пожалуй, перегибаешь палку. Лично мне плевать, что говорят обо мне за моей спиной: шептаться по углам – удел недостойных. Вот если тебя оскорбляют в глаза – тогда совсем другое дело. Грубость в глаза и в присутствии посторонних – такое действительно нельзя прощать. Как считаешь?

– Даже если сеньор не сочтет подобное за оскорбление, – ответил Сото, – это будет считаться оскорблением тем, кто служит сеньору... – и, немного погодя, добавил: – Смертельным оскорблением!

– Полностью с тобой согласен. Именно на эту тему я и пришел поговорить... – дон ди Алмейдо понизил голос и посмотрел в полуоткрытую дверь, а затем в окно, будто опасался, что их подслушивают. Сото в отличие от него был полностью уверен, что за стенами флигеля никого нет. Если бы к ним подкрался злоумышленник, Мара учуял бы его легко – ведь не зря же вокруг жилища старшего тирадора был разбросан шуршащий гравий. Ходить по нему неслышно в своих ботинках на тонкой подошве мог лишь Сото и никто иной.

– Скажи, ты знаешь Марко ди Гарсиа, главного казначея архиепископа Мадридского? – поинтересовался дон ди Алмейдо.

– Два года назад он сопровождал Его Святейшество, когда тот гостил у вас в асьенде на День Всех Святых, – подтвердил Сото.

– Да-да, конечно, ты его уже встречал... Невысокий, полный, и глаза как у змеи. Старый придворный интриган!..

...С момента, как Сото увидел сеньора у себя во флигеле, он догадался, по какому вопросу тот к нему пожаловал. Если бы проблема была рядовая, дон просто вызвал бы старшего тирадора к себе в дом. И только когда сеньору требовалась помощь в решении проблем подобного рода, он приходил к Мара лично. Можно было подумать, что самый влиятельный человек в Сарагосе (после епископа, конечно) испытывает неловкость, отдавая подчиненному столь деликатный приказ, при том, что делал он это уже не впервые.

От неловкости дон ди Алмейдо Сото и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Дон беседовал с ним не как хозяин со слугой, а на равных, словно просил о дружеской услуге. Мара,

конечно, принимал это обращение за большую честь, однако считал, что сеньору все же не следовало бы так поступать – Сото никогда не стремился выделяться из прочих слуг. Для него было бы куда проще, если бы сеньор отдал приказ по всей форме. Но по всей форме такие специфические приказы обычно не отдавались...

– ...Позавчера на приеме у епископа этот заносчивый индюк обвинил меня в том, что я недоплачиваю налоги в казну, причем сделал это грубо, в присутствии Его Святости, а также других почтенных сеньоров и сеньор! Мало того, он пообещал лично начать в отношении меня разбирательство! Я подозреваю, что архиепископ Мадридский послал ди Гарсиа в Сарагосу именно с целью поставить меня перед этим недоказанным фактом. Тебе ли не знать, Сото, что многие в нашей епархии хотят всадить мне нож в спину. Подлецы всегда боятся открытой схватки – мы с тобой уже говорили об этом! Марко мог бы предъявить мне свои обвинения как благородный человек – с глазу на глаз, – но он предпочел сделать это публично, в форме оскорбления! В молодости я бы вызвал его на дуэль, но с тех пор, как за дуэли стали вешать, невзирая на положение...

– Клянусь, я не знал об этом случае, сеньор! – огорченно проговорил Сото. – Мои люди мне не доложили. Я немедленно разберусь, почему они этого не сделали.

– Твои люди не могли знать об этом, поскольку ждали меня во дворе епископата, – пояснил дон ди Алмейдо. – Я нарочно не поставил их в известность, так как... Хм... В общем, ты понимаешь: о моем позоре нельзя говорить во всеуслышание. Но такое обязательно случится, если начнется разбирательство.

– Клеветник Марко ди Гарсиа пожалеет о том, что унизил благородного сеньора, – сказал Сото, ничуть не изменившись в лице. – Никаких разбирательств в отношении вас он возбудить не успеет. Он ответит за свои слова так же, как и те, кто хотел оскорбить вас раньше.

– И это будет справедливо, – подтвердил дон ди Алмейдо. – Я освобождаю тебя от служебных обязанностей до тех пор, пока не разберешься с этим делом. Только не затягивай – клеветник должен быть призван к ответу как можно скорее.

– Будут какие-нибудь дополнительные пожелания, сеньор?

– Нет, все как всегда. Я намерен взглянуть ему в глаза и простить его, как простил всех тех, кто уже сполна ответил за свои злодеяния. Ты ведь согласен, что мы должны прощать своих врагов, как учит нас Святое Писание, не так ли?

– Я согласен с вами во всем, сеньор.

– Это замечательно, Сото. Ты достоин своих храбрых и благородных предков. Они могли бы гордиться тем, что далекий потомок свято чтит их древний кодекс чести.

Сото почтительно склонил голову: слышать столь высокую похвалу из уст сеньора ди Алмейдо было для него самым лучшим вознаграждением...

Луис Морильо сбежал из приюта в четырнадцать лет, поскольку дальше терпеть издевательства над собой он был уже не в силах. Подставлять под удары обидчиков вторую щеку, как учили его на примере общеизвестного мученика, он не желал, ибо категорически отвергал для себя мученическую судьбу. «Зуб за зуб, око за око» прельщало Луиса намного больше, но воплотить сей ветхозаветный постулат на практике без опасения, что враг «воздаст ему всемеро», возможности не представлялось.

Убивать в те годы Луис еще не умел, хотя порой находился буквально в шаге от этого тягчайшего из грехов. Да если бы и умел, путь из приюта в случае убийства кого-либо из обидчиков был один – тюрьма. Но Луис был уже достаточно взрослым, чтобы догадываться: тюрьма отличается от приюта настолько, насколько ампутация конечности отличается от извлечения занозы.

Луис вырвался из опостылевших серых стен на давно манившую его свободу и только тут уяснил, что понятия не имеет, как этой свободой пользоваться. Правда, у него хватило ума не

ошиваться в окрестностях приюта, на чем ранее погорали другие беглецы, а сразу же скрыться из тех мест подальше. Несложно догадаться, что Луис выбрал единственно приемлемый для подростка в четырнадцать лет путь – на восток; туда, откуда каждый день появлялось жизнерадостное солнце и где, по мнению мальчика, в принципе не могло быть тоскливо и холодно.

Все, чему так долго учили Луиса наставники, было забыто им в первый же день побега – постоянный голод не очень-то способствует соблюдению заповедей «не лги» и «не укради». Мальчику удалось без денег в кармане пересечь половину Мадридской епархии и добраться до Барселоны – крупнейшего города на восточном побережье Пиренейского полуострова. Для редко покидавшего приютские стены затворника подобное являлось невероятным достижением.

В Барселоне Луиса ожидало жестокое разочарование, ибо на Краю Земли – таким представлялось ему тогда побережье – все было как и везде: обыденно и грязно. Близость к колыбели Великого Доброго Солнца отнюдь не превращала эту часть света в сказку, а солнце, как выяснилось, рождалось вовсе не здесь, а гораздо дальше – за морем. Единственным утешением беглеца являлись потрясающие по красоте морские восходы, но несмотря на все их великолепие, прыгать от радости почему-то не хотелось.

Хотелось есть, причем постоянно...

Так пролетели два месяца. Наверное, за это время Луис повзрослел куда быстрее, чем за годы, что прожил бы он в приюте, дожидаясь выпуска. На север, на юг, а тем более на запад бежать из Барселоны Луис не желал. Он уже знал, что ничего хорошего там не увидит. Все свое время мальчик тратил лишь на поиск пропитания. Он ел только ради того, чтобы завтра у него хватило сил снова отправиться на добычу еды...

Окончательно завязать с воровством Луис решил в тот день, когда еле сумел унести ноги от разъяренных рыночных торговцев, уличивших его в краже. Мчась во все лопатки по кривым припортовым улочкам с разбитым лицом и чудом не отобранной буханкой хлеба, паренек осознал, что если немедленно не разорвет этот порочный круг, то вскоре окажется там, где восходы можно будет созерцать лишь через прутья решетки. К чести Луиса, решив что-то твердо, он никогда не отказывался от исполнения своего решения...

За время скитаний Луис смог неплохо разобраться в социальном устройстве государства, в котором его угораздило родиться. Быть законопослушным гражданином и при этом хранить в себе дух свободы – идеал взрослой жизни беглого воспитанника приюта – являлось возможным только среди вольных искателей – людей, возвращающих из небытия тайны Древних, чья высокоразвитая цивилизация погибла под Каменным Дождем.

Искатели, класс которых был в Святой Европе третьим по численности после ремесленников и крестьян, жили общинами, соблюдая, помимо государственных, также собственные внутриклассовые законы. Территория страны делилась между искательскими общинами тем же способом, что и пахотные угодья между крупными землевладельцами. Участки искателей – довольно обширные и не предназначенные для земледелия разрушенные древние города и промышленные районы – именовались в среде вольных землекопов зонами раскопок. Найденные на раскопках предметы, имевшие научную либо другую ценность, сдавались в специальные приемные пункты при епископатах, где с искателями рассчитывались по утвержденным епископами тарифам. Разумеется, что за счет лишь этих выплат искательские общины не жили. Едва ли не главным источником их дохода была полуполюгальная торговля с крестьянами и ремесленниками найденными запчастями, материалами, утварью и прочими мелочами; в общем всем, кроме огнестрельного оружия и боеприпасов. Где-то такая торговля пресекалась, где-то на нее смотрели сквозь пальцы, но какого-либо официального запрета на подобную деятельность в стране не существовало.

Самым желанным событием для искательской общины было получение статуса «особая». Особые общины щедро финансировались самим Ватиканом и направлялись на раскопки воен-

ных баз и находящихся на них вооружения и боевой техники, к которым «неособые» искатели не подпускались под страхом смертной казни. У особых общин уже не было сильной нужды приторговывать налево, поскольку их грозные находки принимались епископатами по заоблачным тарифам. Ко всему прочему, «особняки» состояли на полном государственном обеспечении. Вот поэтому их яро ненавидели простые искатели, хотя каждый из «неособых» готов был отдать многое, чтобы его общине тоже был присвоен привилегированный статус.

В кои-то веки удача улыбнулась беглому воспитаннику церковного приюта Луису Морильо. После двух месяцев бродяжничества и воровства, а также еще пары недель бесплодных скитаний по искательским общинам, он достиг-таки возжеленной цели и влился в ряды искателей, да не простых, а «особняков». Само собой, что закономерности в этой удаче не было, а имело место быть донельзя счастливое стечение обстоятельств.

Луис уже отчаялся, пытаясь наняться в искательские артели хотя бы простым землекопом. В один из таких тягостных дней он сидел в трактире и, пребывая в унынии, проедал гроши, что умудрился сегодня заработать за переноску какому-то рыбаку корзин с уловом. В перспективе у скитальца маячила еще одна ночевка на сеновале местного фермера, где велика была вероятность попасться на глаза сторожу и получить от него в задницу арбалетную стрелу.

Заработанных денег хватило лишь на пару вяленых рыбин да кружку пива, и потому Луис старался подольше растянуть удовольствие, смакуя каждый глоток и тщательно обглаживая рыбы косточки. Ему следовало просидеть в трактире еще как минимум час. То есть аккуратно до сумерек, которые при вероятном столкновении со сторожем обязаны были сильно повлиять на меткость его стрельбы.

В трактире было шумно и людно, поэтому сначала никто не обратил внимание на вошедшего с улицы крепко сбитого бородатого мужичка в затертой искательской куртке. Мужичок подошел к стойке, купил кружку пива, в три глотка осушил ее и собрался было удалиться восвояси, как его окликнули.

– Эй, «особняк», не желаешь угостить тех, кто не танцует на задних лапках перед Ватиканом?

К мужичку обращался уже изрядно пьяный искатель, отиравшийся в трактире с тремя приятелями. Все четверо были с ног до головы замызганы глиной, по всей видимости, они пришли в трактир с ближайших раскопок.

– Извините, ребята, но я спешу. Давайте в другой раз, – как ни в чем не бывало ответил мужичок, не обратив внимания на вызывающе грубый тон собратьев по роду занятий. После чего направился к двери.

– Нет, ты глянь, какой гордый «особняк»! – наперебой заголосила компания. – Совсем нас за людей не считает! Э-э-э, куда пошел! Стоять! Стоять, тебе сказали!

Загрохотали отодвигаемые стулья, на столе пьяных искателей задребезжали пивные кружки. Подскочивший к мужичку искатель обхватил его сзади, а второй что было силы сначала ударил бородача в лицо, а затем стал молотить кулаками ему в живот. Остальные двое пьянчуг маячили рядом них и требовали уступить им очередь...

При виде этой картины на Луиса внезапно накатил приступ безумной ярости, за которую его еще в приюте наградили кличкой «бешеный». Пареньку вспомнилось, как его так же – нещадно и скопом – лупили «за некрасивые глаза» и что он при этом чувствовал. Мужичок не сделал здесь никому ничего плохого, а его избивали почем зря под свист и улюлюканье завсегдатаев этого смрадного заведения.

Никто из дебоширов и не подозревал, что от сидящего в сторонке невысокого паренька следует ожидать каких-то сюрпризов. Тем не менее пареньек подорвался со стула, отшвырнул стол, что весил чуть ли не больше его самого, и с безумным криком обрушил пивную кружку на голову искателя, который охаживал мужичка кулаками. Удар тяжелой кружкой уронил того на колени, а сама кружка брызнула осколками, оставив в руке Луиса лишь кривую ручку. В

стане пьянчуг образовалось секундное замешательство. Пока же оно длилось, Луис времени не терял и успел вонзить стеклянную ручку в глаз того ублюдка, что ухватил мужичка сзади...

В трактире раздался такой жуткий вопль, что половина завсегдатаев тут же бросилась в испуге к выходу. В дверях образовалась толчея. Следом за убежавшими с грозными криками ринулся трактирщик, поскольку большая часть из них еще не расплатилась за выпитое. Ошарашенный кружкой искатель тряс головой, но сознания не терял. Второй пострадавший тщетно пытался дрожащими руками ухватить торчащий в его глазнице стеклянный обломок. Этот негодяй уже не вопил, а лишь жалобно повизгивал. Кровь стекала у него по лицу и капала на спину получившего неожиданную свободу бородача.

Дальнейшее Луис наблюдал лежа на полу. Глаза его застилала мутная пелена, а слышать он вообще перестал, так как в ушах его стоял сплошной звон – один из друзей пострадавших искателей вышел из замешательства и от души заехал Луису по лицу. Естественно, что для полного успокоения разбушевавшегося четырнадцатилетнего паренька одного удара взрослого мужчины хватило с лихвой.

Освободившийся мужичок оказался, однако, не из робкого десятка, и хоть лицо его было перекошено болью, он незамедлительно взялся отыгрываться на своих обидчиках. Лежащий на полу Луис еще никогда не видел таких стремительных и отточенных ударов. Было в них нечто кошачье: мягкость и резкость одновременно; никакой грубой силы, а лишь четко отлаженная система.

Первым делом бородач разделался с тем пьянчугой, который еще не принимал участия в драке, но очень того жаждал. Жажда его оказалась утолена, вот только навряд ли он испытал облегчение. Мужичок заехал ему ребром ладони по кадыку, затем пнул по коленной чашечке, а после ухватил за волосы и стукнул переносицей о стойку трактира, очень кстати оказавшуюся рядом. Пьянчуга так и замер на ней, уронив голову на грязные доски.

Тот из нападавших, кто уложил Луиса, уже отвел ногу, дабы пнуть ему по ребрам, но, заметив драку возле стойки, сразу забыл про паренька и с яростным воплем бросился на мужичка. Бородач юлой крутнулся на месте, заставил атакующего проскочить мимо, а когда тот показался рядом, поставил ему подножку. Обидчику Луиса воздалось по справедливости (а Луис-глупец считал, что нет справедливости на свете!): он споткнулся и полетел вперед, попутно увлекая за собой лишившегося глаза искателя.

Так они и упали в объятьях друг друга: одноглазый первым, а споткнувшийся поверх него – словно прелюбодеи, решившие вкусить запретный грех однополой любви. Мужичок подскочил к ним и, очевидно, не слишком полагаясь на собственную подножку, на всякий случай нанес удар каблуком в затылок мерзавца, находившего сверху. Противник мгновенно обмяк, тем самым превратившись в неподъемную обузу для придавленного им товарища.

Пока мужичок колошматил врагов, ошарашенный кружкой Луиса искатель успел подняться на ноги, вооружиться разбитой в острую «розочку» бутылкой и даже обозвать мужичка «особняковой мразью», однако в атаку не кидался. Бородач взял со стойки полотенце, неторопливо приблизился к последнему противнику и, не подлезая под разящую «розочку», словно плеткой щелкнул ему полотенцем по глазам. Искатель рефлекторно заслонил лицо руками. Именно в этот момент мужичок бросился на него, перехватил руку с «розочкой» и двинул противнику коленом в пах, да с такой силой, что дебошир аж подпрыгнул. Повторного удара не потребовалось: враг забыл про оружие, скрючился в три погибели и с воем упал ниц, крепко держась за пострадавший орган...

– Как ты? – участливо поинтересовался у Луиса мужичок, которого поверженные противники называли обидным словом «особняк» (паренек еще не знал, что в самом слове «особняк» ничего обидного как раз нет, обидным оно бывает лишь исходя из ситуации).

– Нормально, – буркнул Луис, пытаясь подняться, но тщетно. Его качало не хуже пьяницы, и виной тому было, конечно же, не выпитое пиво.

– Идем отсюда, приятель. – Мужичок подхватил невесомого паренька под руку и поволок к выходу, где трактирщик как раз заканчивал отделять «зерна от плевел», сиречь плативших от неплативших.

– Он еще не рассчитался! – Уперев руки в бока, трактирщик преградил путь мужичку и Луису.

Бородач извлек из кармана пригоршню мелочи и швырнул ее на ближайший стол.

– Этого хватит сполна, – огрызнулся он и добавил: – Уж не взыщи: компенсацию за ущерб платить не буду. Не я эту кашу заварил.

Трактирщик покосился на корчившихся дебоширов, в задумчивости почесал плешь, но дорогу уступил.

Бородач оттащил паренька к ближайшей водопроводной колонке, где и привел его в чувство окончательно. Там же они и познакомились. «Особняка» звали Лоренцо Гонелли.

– Ты храбрый парень, – похвалил Лоренцо Луиса. – Нет, конечно, наkostenья бы я им все равно наkostenья – не на того напали! Но если бы не ты, я бы не вышел оттуда таким уцелевшим. Кто твои родители?

Луис без прикрас поведал Лоренцо свою печальную биографию, уложившуюся всего-то в несколько предложений.

– Да, ничего не скажешь: трагедия, – сочувственно вздохнул искатель. – Беспризорник, значит?... А ведь когда-то и я подобно тебе бегал по свету... Действительно, никому такой доли не пожелаешь... – и, немного подумав, предложил: – Вот что, парень, идем-ка со мной. Покажу тебя старшине общины: авось присмотрит для тебя работенку. Ты случаем ничем заразным не болен? Какое-то лицо у тебя странное...

– Оно у меня такое от рождения, – признался Луис, решив не обижаться. Следовало привыкать к подобным вопросам, которые, похоже, теперь будут сыпаться на него всю оставшуюся жизнь. Поэтому каждый раз обижаться на них – только время терять да нервы портить...

Старшина общины, что именовалась Барселонской Особой, придирчиво осмотрел Луиса, поморщился и задал аналогичный вопрос. Ответ паренька его не удовлетворил, и он хотел было воспротивиться просьбе Лоренцо, но тот рьяно взялся заступаться за нового друга. Гонелли упирал на то, что парнишка смывленный и крепкий, а поскольку их общину переводят на новую зону раскопок, которая, по слухам, потребует много выносливой рабочей силы, было бы негоже отказывать в покровительстве тому, из кого со временем может получиться хороший искатель.

– Черт с тобой, ставь на довольствие! – сдался-таки старшина и, уперев палец в грудь довольного Лоренцо, сурово добавил: – Но под твою личную ответственность! Начнет воровать или еще чего набедокурит, будешь отвечать вместе с ним! По всей строгости!

Так что уже на следующее утро Луис Морильо пребывал на раскопках и орудовал искательской киркой. Пьяный от счастья, он даже не обращая внимание на то, что непривыкшие к суровой работе руки покрываются кровавыми мозолями, а каменные осколки бьют его по щекам, норовя угодить в глаза. И не понимал осуществивший свое сокровенное желание паренек, почему некоторые считают искательский труд каторжным. Церковный приют – вот сущая каторга, а махать киркой на свежем воздухе после сытного завтрака и знать, что впереди тебя ожидает не менее сытный обед, а за ним и ужин, – это не каторга, а одно удовольствие.

Удовольствие, которое, впрочем, никогда не длится вечно...

Ветер Сото Мара не любил. Не любил потому, что тот всегда приводил за собой тучи, а они затягивали небосклон и надолго прятали от взора Сото солнце. И хоть в летнюю жару ветер частенько дарил долгожданную прохладу, этим благородным поступком он все равно не мог заслужить любовь Мара.

Ветер напоминал ему о сквозняках, гулявших в стенах церковного приюта, о том холодном презрении, в атмосфере которого Сото провел свои детские годы. А когда ветер сочетался

с дождем, Мара и вовсе впадал в глухую тоску, стараясь поменьше выходить из флигеля и побольше спать. Сон был единственным средством, снимающим с Сото депрессию при плохой погоде.

Средством этим, к сожалению, удавалось пользоваться далеко не всегда...

Однако не испытывая ни малейшей любви к ветру, Сото тем не менее относился к сей безудержной стихии с уважением. Уважал его при этом ветер или нет, тирадора не интересовало. Уважение Сото к ветру было сродни уважению наездника к норовистому жеребцу. С таким требовалось вести себя предельно корректно, а иначе прыткое животное при первом же удобном случае сбросит ездока наземь. Наезднику не дано знать, что думает о нем жеребец, главное для наездника – наладить с животным взаимопонимание, а без уважения подобного не добиться. И если наездник проявляет к строптивому жеребцу терпение и не обижается на его мелкие шалости, со временем тот станет ему вернейшим помощником. Проверено столетиями.

Сото Мара следовал данному принципу неукоснительно, за что ветер уже не единожды приходил ему на выручку. Подельники в кровавом ремесле – Сото и ветер – расходились после каждой совместной работы, чтобы через какое-то время снова встретиться и продолжить сотрудничество...

Дом Марко ди Гарсиа стоял на восточной окраине Мадрида. Как и все дома высокопоставленных граждан Мадридской епархии, его окружала высокая каменная стена, а охранялся дом подразделением наемных тирадоров – традиция, укоренившаяся со времен тотальных междоусобиц Века Хаоса.

Сото был вынужден наблюдать за домом обидчика своего сеньора не два дня, как планировалось, а четыре – подельник-ветер нарушил все прогнозы и явился с опозданием. Он вообще редко приходил минута в минуту, но без его поддержки Мара еще ни разу в своей практике к делу не приступал. Когда же после обеда четвертого дня ожидания по небу заходили тучи, и листья на деревьях оживленно зашелестели, у тирадора не осталось сомнений, что задуманное им произойдет именно сегодня. Ветер следовало брать «под уздцы» без колебаний, поскольку его переменчивый характер был Сото уже прекрасно изучен: подельник может передумать и выйти из дела в любой момент...

Ученые люди говорили, что во времена Древних у Земли было два солнца, чему Сото верил с большим трудом. Бывало, рассказчики и вовсе несли сущую ересь: дескать, второе солнце светило не днем, а ночью. Не так ярко, как дневное, но достаточно, чтобы темнота уже не казалась кромешной. Также говорили, что после Каменного Дождя, насланного на Древних за тяжкие грехи, Господь лишил своих рабов – тех, кто выжил, – ночного светила, как лишил некогда Адама и Еву права на жизнь в Раю. Сото прикинул в уме: свети сейчас на небе ночное Солнце, и для осуществления его планов требовалось бы уже нечто более всемогущее, чем обычный ветер и непогода...

Хорошая манера – насаждать дворы деревьями, соглашался Сото с хозяевами асьенд, в которые ему доводилось проникать. Но соглашался не потому, что был любителем флористики, – у него имелись на это свои взгляды. При шелесте листьев можно шагать по гравии без опасения, что тебя расслышат. За деревьями удобно прятаться от света фонарей и факелов. Взобравшись на дерево, можно узнать, что творится на втором и третьем этажах нужного дома. Мара всегда глядел на декоративные насаждения с практической точки зрения.

Но самое искреннее спасибо Сото готов был сказать владельцам тех домов (в большинстве случаев – посмертное спасибо), стены коих были увиты плющом. Лучшего подарка человеку, пришедшему по душу хозяина, и представить было нельзя. Дом казначея Марко ди Гарсиа как раз и принадлежал к таковым...

Закрепленные на запястьях и лодыжках специальные верхолазные крючья удерживали Сото под карнизом крыши. Наверное, при взгляде со двора злоумышленник напоминал огромное осиное гнездо; жаль, нельзя проверить, так это или нет – уж очень любопытно. Цепляясь

крючьями за карниз, Мара медленно двигался к нужному окну. Еще за пределами поместья он рассчитал, как добраться до этого окна с крыши, но закрепиться на стене требовалось чуть поодаль – в момент закрепления рука или нога могла сорваться с карниза, а мельтешить напротив освещенного окна было чревато получением в упор заряда из дробовика. По этой причине Сото и произвел свой рискованный маневр на том участке стены, где вообще не было окон. Теперь же он неторопливо, буквально по сантиметру, двигался к заветной цели.

Плющ на стенах дома Марко ди Гарсиа разросся до безобразия и отбрасывал густые тени. Раствориться в них для Мара не составляло особой проблемы. И все равно, расслышав внизу шаги охранников, он как можно плотнее прижимался к карнизу и замирал без движения. Ветер, который своим напором будто решил извиниться перед Сото за двухдневное опоздание, шевелил стебли плюща и создавал вокруг столь интенсивную игру теней, что различить что-либо на стене выше второго этажа было попросту невозможно. Тирадор без спешки прополз над тремя темными окнами – судя по всему, за ними находились нежилые комнаты – и через несколько минут достиг нужного окна. После чего замер над ним, стараясь привести в порядок дыхание.

Спальня казначея находилась за самым большим окном на этой стороне дома – будь окно расположено на первом этаже, Сото при желании свободно въехал бы в него на байке. Мара знал, что верно вычислил местонахождение спальни: четыре дня подряд он наблюдал в подзорную трубу, как по утрам шторы в окне распахивались и горничная занималась уборкой, выкладывая на подоконник для просушки подушки столь огромные, что для их набивки, по всей видимости, была ощипана целая птицеферма.

Сото помнил, что у ди Гарсиа есть семья, но за время наблюдения ни один из членов его семьи – ни жена, ни сыновья, ни дочери – замечены не были. Зато было замечено невероятное количество охраны, расставленной по оборонительной стене так плотно, словно Марко ожидал штурма. В воротах асьенды отиралась целая группа вооруженных дробовиками и арбалетами головорезов, а откуда-то с заднего двора слышался грозный лай собак, которых, как следовало догадываться, выпускают по ночам из вольеров.

Впрочем, ничего необычного здесь не было. И усиленная охрана, и сторожевые псы, и отсутствие семьи, отосланной куда-то в безопасное место, говорили Сото, что ди Гарсиа крайне серьезно относится к давно циркулирующим по епархии слухам. Бытовало мнение, что якобы некоторые непримиримые враги донна ди Алмейдо непременно отдадут душу, но не Богу, а некоему демону Ветра, что является за ней лично. Справедливости ради следовало отметить, что подобных слухов и легенд по Мадридской епархии ходило немало и редко кто принимал их на веру, однако к числу скептиков Марко ди Гарсиа, похоже, не принадлежал. Тем паче что после публичного обвинения Диего ди Алмейдо в недоплате налогов казначей архиепископа не мог больше считаться для донна Диего хорошим знакомым, кем он, впрочем, и до этого не являлся.

Но больше всего позабавили Сото деревянные кресты, вывешенные на оборонительной стене и выставленные на крыше в огромном количестве. С ними дом Марко напоминал натуральную церковь. При виде крестов Мара довольно усмехнулся: появления демона Ветра здесь ждали и надеялись, что святые символы уберегут всех укрывшихся за ними от нечистой силы. Ди Гарсиа искренне полагал, что оградил себя от любых врагов – как в обличье людей, так и демонов. Но он не учел того, что среди них существуют и такие, против которых всех принятых мер явно недостаточно...

Сото прислушался. Из-за плотно задернутых штор доносились голоса. Ди Гарсиа отходил ко сну и отдавал последние распоряжения охране. Охранники отвечали коротко – «да, сеньор». Никаких лишних разговоров, никаких вопросов – настоящие профессионалы. Марко был богат и мог позволить себе завербовать лучших наемников в епархии, возможно даже ушедших в отставку Защитников Веры, а то и Охотников. С последними Мара еще ни разу не сталкивался, но был премного о них наслышан: Братство Охотников – крепчайшая опора Ордена Инквизи-

ции, элита силовых структур Святой Европы, противник, заслуживающий безусловного уважения. Хотелось надеяться, что Охотники в личной охране казначея отсутствовали.

Довольно неудобное, похожее на ползание мухи по потолку перемещение завершилось, и выход на позицию для вторжения состоялся. Осталось дожидаться, пока охрана ди Гарсиа покинет спальню и он уснет. На глубокий сон напуганного Марко Сото не рассчитывал, но убийца не намеревался громко топтать возле кровати будущей жертвы.

Мара прождал достаточно долго, но так и не услышал удаляющихся шагов и звуков запираемой двери. Свет в доме через некоторое время погас, и асьенда погрузилась в сон. Охранники, которых, по примерным расчетам Сото, внутри присутствовало как минимум двое, все еще находились в спальне и покидать ее, похоже, не собирались. Разве только они вышли из комнаты затаив дыхание и на цыпочках, что было маловероятно. Не иначе Марко ди Гарсиа впал в натуральную паранойю, если боялся оставаться в одиночестве даже во время сна.

Присутствие охраны в спальне сильно осложняло ситуацию. Обойтись малой кровью теперь навряд ли удастся; повышалась вероятность лишнего шума и, как следствие этого, нежелательной тревоги. Но пути назад уже не было – цель находилась в нескольких метрах за окном и была отделена от Мара лишь шторами. Так что к бесшумности, которая ставилась злоумышленником во главу угла, теперь добавилась внезапность. Что ж, тем даже интереснее...

«Будь стремителен и проходи через железную стену... Стремительно войти и быстро продвигаться вперед – вот залог успеха» – мудрый совет великого предка по имени Ямамото Цунэтомо пришелся сейчас очень кстати.

Внизу, на ведущей к главным воротам аллее, лениво залаяла собака. Кто-то из охраны цыкнул на нее, и она заткнулась. Сото опасался чутких собак, но при сильном ветре запах чужака земли попросту не достигал. Бестелесный подельник прикрывал Мара и здесь.

Через двадцать минут после того, как погас свет, до ушей злоумышленника долетел громкий храп. Буквально вслед за ним из противоположного угла спальни раздалось тихое сопенье, различимое только в перерывах между раскатами храпа. Неизвестно, сумел ли Морфей заключить в объятия всех охранников, но как минимум один из них заснул вместе с жертвой – все лучше, нежели было вначале.

Сото медленно отцепился от карниза ногами и остался висеть на одних руках. Как и предполагалось, сразу достать ботинками до подоконника он не смог и потому пришлось сначала перецепиться ручным крюком за дощатый наличник, затем перецепить второй, после чего расслабить руки и медленно опустить себя на подоконник. Однако, несмотря на предельную осторожность Мара, один из его ножных крючьев все-таки ненароком звякнул о цветочный горшок...

В спальне заскрипело кресло. Ни храп, ни вторившее ему сопение не прекратились, но за шторой послышался отчетливый звук шагов – осторожная поступь охранника, старавшегося двигаться как можно тише и случайно не разбудить хозяина из-за, вероятнее всего, вполне безобидного ночного шороха. Безобидного – и все же требующего обязательной проверки.

Шаги приближались к окну, на подоконнике которого притаился за шторой и застыл наготове, будто змея перед броском, Сото. Пальцы его сжимали рукоять извлеченного из-под куртки короткого – чуть длиннее локтя – неширокого меча. Сам того не ведая, охранник уже был вовлечен в игру «кто быстрее»: успеет ли он поднять панику или тот, кто скрывался за шторой, помешает ему в этом. Ставки в игре были высоки для обоих участников.

Играть в подобные игры с Мара было делом неблагодарным. Сото ни черта не смыслил в картах, ненавидел тупое бросание костей и не понимал, отчего некоторые так любят нервно дрожать возле колеса рулетки, однако в играх с применением холодного оружия равные ему по мастерству встречались редко...

Охранник слегка отдернул штору, собираясь выглянуть во двор. Это и послужило Сото командой к действиям. Меч, направленный охраннику в горло, пронзил то насквозь, перерезав

трахею и сонную артерию. Охранник запоздало отшатнулся, тем самым лишь помогая Мара извлечь меч из своей рассеченной почти наполовину шеи, захрипел и попытался убежать, но сделал лишь пару шагов, после чего загремел на пол, заливая кровью коврик возле кровати казначея.

Звук падения грузного тела вывел из дремы двух других охранников, развалившихся в мягких хозяйских креслах. Сото ошибся в прогнозах – Марко стерегли не двое, а трое телохранителей, и вооружены они были не громоздкими арбалетами и дробовиками, а легкими пистолетами, которые держали при себе в расстегнутых кобурах. Проснувшимся охранникам потребовалась секунда, дабы понять, что происходит, но выхватить оружие и открыть огонь по ворвавшемуся в спальню не то человеку, не то и впрямь демону они все равно не успели.

Сото перепрыгнул через корчившегося в предсмертной агонии охранника и не мешкая кинулся к рассеявшимся в креслах его полусонным собратям. Того из сидящих, который был ближе, Мара с разбегу пригвоздил мечом к спинке кресла, нанеся удар в самое сердце убийцы.

Последний оставшийся в живых охранник и переключился на последнего телохранителя, вскочил и уже потянулся к кобуре. Чувствуя, что меч застрял между ребер убитого, Сото так и оставил оружие в теле врага, а сам ногой втолкнул подскочившего охранника в кресло, после чего полоснул ему по горлу своим верхолазным крюком, специально для подобных целей заточенным с внутренней стороны, будто серп.

Нанесенный в спешке удар не получился фатальным, и охранник, брызжа кровью из разрезанного горла, попытался снова вскочить и перехватить руку Сото. Однако оплошавший Мара исправил ошибку, нанес повторный удар – более выверенный и сильный – другим крюком. А затем прижал агонизирующего охранника к креслу ногой и дождался, пока тот угомонится окончательно.

Вся эта безмолвная и кровавая схватка продлилась в течение лишь двух храповых фуг, что одну за одной выдавал спящий Марко ди Гарсиа. Когда же он совершил сиплый выдох и затаил было очередную руладу, рот ему перекрыла окровавленная рука, а в грудь уперлось колено Сото Мара, уже извлекшего застрявший меч из тела охранника.

От такой немислимой бесцеремонности ди Гарсиа впал в ярость, еще толком не проснувшись. Впрочем, по мере пробуждения казначея ярость его иссякала, и к тому моменту, когда в его глазах появилось осмысленное выражение, ярость эту сменил безграничный испуг. Марко задрожал, а дыхание его сделалось частым, как у разморенной на солнцепеке собаки.

Вид у облаченного в забрызганный кровью комбинезон Сото и впрямь был откровенно демонический. Его злое убогое лицо сияло лютой ненавистью в долетающих со двора отблесках сторожевых огней, а зажатый в руке обгабренный кровью меч не вызывал у казначея сомнений относительно его дальнейшей судьбы.

Ди Гарсиа безумно вращал глазами и силился что-то сказать: возможно, пытался молитвой изгнать демона, возможно, предлагал убийце деньги. Но «демон» молитв не страшился и явился сюда вовсе не за деньгами.

– Мое имя – Сото Мара. Я служу дону Диего ди Алмейдо, – негромко произнес Сото прежде, чем его меч опустился на шею Марко.

Странная традиция предков – сообщать врагу перед его смертью свое имя. Традиция, так до конца и не осознанная Сото, но, несмотря на это, обязательная к исполнению, как и все прочие...

Залитую кровью спальню Сото покидал с трофеем, не очень громоздким, но все-таки не настолько удобным, чтобы карабкаться с ним обратно на крышу по стене. Мара знал, что где-то в соседних комнатах должен быть лаз на чердак: ведущее с чердака на крышу слуховое окно он заметил еще в первый день наблюдения за домом.

В коридоре было пустынно и тихо, но на всякий случай Сото все же держал в руке металлический нож. Кровь из мешка, в который он погрузил трофей, стекала на паркет тоненькой

струйкой, но каратель не обращал на это внимания: пусть стекает, все равно след ее обнаружат лишь с рассветом. А Мара рассвет планировал встретить уже на полпути к Сарагосе.

Лестница на чердак отыскалась в чулане, что находился в самом конце коридора. По какой-то причине лаз был крест-накрест заколочен досками, но Сото без труда отодрал их верхолазным крюком, словно выдергой...

Мара не любил ветер, но когда очутился на крыше и снова ощутил лицом его сильное дыхание, мысленно поблагодарил своего бессменного поделщика за то, что тот терпеливо дождался его и не бросил на произвол судьбы в чужом краю...

Днем своего рождения Сото Мара считал не заявленную в церковной метрике дату и не тот день, когда он взял себе новое имя. Настоящее рождение Сото произошло зимой того года, когда, согласно метрике, ему уже должно было исполниться пятнадцать с половиной лет. Жаль, что точной даты своего подлинного рождения он, как и любой новорожденный, не запомнил, а зафиксировать ее для Мара никто не удосужился, ибо случилось это событие незаметно для окружающих и внешне на юноше ничем не отразилось...

Радость первых недель пребывания Луиса Морильо в искательской общине постепенно сошла на нет. Вольный и в какой-то мере даже творческий труд на свежем воздухе превратился в обыденный, а на руках образовались столь жесткие мозоли, что при касании ими стола они скребли по поверхности, словно наждак. Деревянные нары в бараке для несемейных искателей стали для парнишки родными, а не особо разнообразный распорядок дня – по-своему удобным.

Больше всего нравилось Луису, что в работе его никогда не торопили. От «особняков» требовалась прежде всего не скорость, а предельная осторожность: бывало, в земле им попадались такие опасные находки, что одно неловкое движение киркой либо заступом – и искатель отправлялся на небеса, причем не один, а вместе с работающими бок о бок товарищами. «На небеса» едва ли не в прямом смысле слова: после таких происшествий мало что от тела пострадавшего возвращалось на землю.

...Именно так через несколько месяцев после зачисления в общину Луиса погиб старшина Барселонской Особой. Луис слышал грохот, видел взметнувшуюся ввысь тучу земли и гигантскую воронку, оставшуюся после того, как рассеялась пыль. Старшину и нескольких работавших вместе с ним искателей он больше не видел. За свой привилегированный статус «особняки» платили непомерную дань...

После гибели старшины на его должность был назначен Лоренцо Гонелли, практически единогласно выбранный на собрании общины. Как выяснил Луис еще в день своего зачисления в ряды Барселонской Особой, его бородатый друг хоть и считался искателем, лопаты в руках не держал уже давно. Лоренцо не занимался раскопками, он отвечал за сохранность всех смертельных находок, возглавляя общинную службу охраны. Но белоручкой Гонелли тем не менее никто не называл: во-первых, слишком много лихих людей зарилось на содержимое оберегаемых Лоренцо складов (в частности, окрест них постоянно кружили вездесущие байкеры), а от этого содержимого напрямую зависели благосостояние и репутация Барселонской Особой. Во-вторых, помимо руководства отлично организованной охраной, Гонелли постоянно защищал честь общины на ежегодных искательских турнирах и нередко становился чемпионом.

Дисциплин на турнирах было представлено всего три: метание большой искательской кирки на дальность, рукопашный бой – точнее, обычная драка без правил, и едва ли не главный из турниров – определение «пивного короля», то есть человека, обладающего самым вместительным животом среди искателей в Святой Европе (поговаривали, что Древние, со всей их любовью к спортивным соревнованиям, так и не включили этот популярнейший во все времена вид спорта в свои Олимпийские игры).

Лоренцо обычно состязался в рукопашных поединках и «пивной гонке». И хоть по нему нельзя было сказать, что он способен на немереное поглощение пенного напитка, тем не менее

этот невысокий, крепко сбитый мужичок мог влить в себя столько пива, что перед ним, бывало, пасовали и тяжеловесы. Поэтому такого ценного человека, как Гонелли, в общине уважал каждый и со временем должность старшины досталась ему заслуженно.

Луис всегда был желанным гостем в семье Лоренцо. Паренька звали на праздники, воскресные обеды, а то и просто так, без повода. И в доме Гонелли, и в компании других искателей общины никто не обращал на необычную внешность Морильо никакого внимания, лишь дети иногда показывали на него пальцем, но взрослые тут же шикали на них либо награждали подзатыльником. Немного повзрослев, Луис догадался, что причиной этой тактичности являлась вовсе не поголовная искательская воспитанность, а последствия все той же дружбы с Лоренцо, взявшего паренька под незримую опеку. И пусть от насмешек «за глаза» Морильо огражден не был, все равно было приятно чувствовать себя в кругу общинников не только полноправным членом Барселонской Особой, но и полноценным человеком.

Жизнь потекла своим чередом. Епископат гонял Барселонскую Особую по всему северо-востоку Мадридской епархии. Не успел Луис с товарищами извлечь в Барселоне из-под земли какие-то бронированные чудовища на стальных колесах, что по всем признакам и ездить-то не могли, как в окрестностях Сарагосы их уже ждал обнаруженный оружейный склад, а за ним – вымытый из песка в устье Эбро военный корабль Древних, по сравнению с которым выкопанные, недавно бронированные монстры казались жалкими жуками-скарабеями. Таланты и кирки «особняков» шли в Святой Европе нарасхват: восточные соседи – русские – хоть войной и не грозили, но оружием потрясали при каждом удобном случае. Скандинавы также недобро косились, того и гляди, готовы были припомнить какие-нибудь старые обиды.

Мир держался на оружии – парадоксально, но факт, – а количество оружия в стране напрямую зависело от стараний «особняков» в целом и от старания Луиса Морильо в частности. Эта мысль господствовала в голове паренька, вызывая чувство непередаваемой гордости. Господствовала до тех пор, пока не случилось событие, которое в будущем «похититель жизни» Сото Мара назовет своим «настоящим рождением»...

– На днях парни из седьмой бригады откопали занимательную книжицу... – сказал Лоренцо, роясь у себя на полках. В то памятное воскресенье Луис по обыкновению гостил у него дома. – Куда я ее задевал?.. Да вот же она!

Книги искателям попадались при раскопках довольно часто, но возиться с ними было делом неблагоприятным: епископаты платили за них гроши, да притом тщательно отбирали из принесенной литературы единичные экземпляры, преимущественно научного содержания. Остальные книги и журналы не возвращали, а также забирали, чтобы потом предать их сожжению. Объяснялось это «еретической либо протестантской направленностью» большинства книг Древних, за которые в том числе на них и обрушился Каменный Дождь. Будучи по роду деятельности людьми любознательными, искатели – чего греха таить – частенько почитывали найденную литературу, а порой, не желая отправлять в огонь понравившуюся книгу, тайком оставляли ее у себя.

Припрятанная Лоренцо большая и красочная книга оказалась на английском языке. Святоевропейский и английский были родственными языками, и Луис, наученный в приюте чтению на Святом Писании, при должном усердии мог разобраться в английском тексте. Но странное слово, вынесенное в заголовок книги, не вызывало у Луиса вообще никаких ассоциаций – Япония.

Под заголовком была напечатана яркая цветная фотография: причудливая хижина с изогнутой на скатах крыши и дерево с распустившимися белыми цветками. Хижина и дерево размещались на фоне огромной горы в снеговой шапке. Пейзаж напоминал альпийский, если бы не хижина. Вызывало недоумение, зачем было так усложнять ее постройку, когда обычную четырехскатную крышу куда проще соорудить ровной, без лишней вычурности. Неизвестно, как у русских или скандинавов, а в Святой Европе такой стиль архитектуры не практиковался.

– Ты дальше пролистай, – порекомендовал Лоренцо с интересом разглядывающему обложку Луису. – Клянусь, тебе это точно понравится!..

Заинтригованный паренек распахнул книгу...

...И на время потерял дар речи!

Книга была наполнена не менее красочными, чем обложка, иллюстрациями, но не величественные природные пейзажи и виды гигантских городов Древних поразили Луиса. Поразили его люди: мужчины, женщины, старики, дети... Люди ходили по улицам, ездили на невероятной формы автомобилях, занимались своими будничными делами... Целый народ, гигантская нация, каждый представитель которой...

...Имел лицо, так или иначе похожее на лицо самого Морильо: большие, выпирающие вперед скулы, маленький приплюснутый нос, раскосые глаза, черные прямые волосы... Мужчины были столь же невысокого, как и Луис, роста, и любого из них при поверхностном взгляде можно было легко счесть за брата, отца или дедушку Луиса. Благодаря не менее экзотическим чертам лица женщины этой нации обладали неповторимой красотой, какой когда-то – теперь юноша был в этом убежден! – обладала и его мать...

Для находящегося на пороге совершеннолетия паренька представшая перед ним истина граничила с шоком. Узнать, что твоя неординарная внешность не результат врожденного уродства, вызванного заражением родителей черной энергией Древних, что вытекла из их разрушенного Каменным Дождем адского оружия (такую версию выдвигал всезнайка Лоренцо)!.. Узнать, что это не божья кара и не расплата за родительские грехи!.. Узнать настоящую правду – об этом Морильо уже и не мечтал.

Внешность Луиса, как оказалось, была естественной и вполне нормальной, а сам он являлся не «дьявольским отродьем», а представлял собой чудом сохранившегося потомка древней расы, видимо, погибшей под Каменным Дождем, как и подавляющее большинство древних рас. А может, не погибшей и существующей по сию пору, вот только где искать эту расу сегодня?..

– Подари! – вцепившись в книгу, взмолился Луис.

– Да забирай! – смиловился Лоренцо и улыбнулся. – Я же говорил, что тебе понравится! Только спрячь ее подальше, если вдруг незваные гости в общину пожалуют...

Последующие месяцы большую часть своего свободного времени Луис проводил за страницами этого подарка, бесспорно самого потрясающего подарка, полученного юношей за всю его жизнь. При чтении книги, бывало, приходилось звать на помощь тех искателей, кто прекрасно разбирался в английском, дабы они перевели в тексте некоторые особо непонятные места. Волей-неволей Луис нахватался от них недостающих знаний и вскоре сам поднатерел в искусстве перевода, благо текста в книге было не очень много; преобладали фотографии.

Помимо тайны экзотичности собственной внешности, посредством книги Луис пролил свет еще на одну загадку – свою странную, обретенную еще в приюте, привычку. Как выяснилось, страна его предков (даже Лоренцо согласился с тем, что предки Морильо жили в этой загадочной Японии) носила также второе название: Страна восходящего солнца. Более того, предки Луиса чтит второе название своей родины не меньше лаконичного первого, поскольку изобразили восходящее солнце даже на государственном флаге. Луис, разумеется, догадывался, что его давно вошедшее в традицию любование восходами и восходящее солнце на знамени предков – скорее всего случайное совпадение. Но как в любой шутке есть доля правды, так и в этой случайности явно присутствовала изрядная доля неподвластной разуму закономерности.

Одно дело, чувствовать себя уродливым изгоем без роду-племени, и совершенно другое – человеком, узнавшим, что у него тоже есть корни, пусть и вскользь, но прикоснувшимся к многовековой истории предков; человеком, являющимся потомком большой и, судя по фотографиям в книге, высокоразвитой нации. Луис разглядывал фотографии, читал статьи, запо-

минал имена людей и названия городов; надо заметить, довольно сложные для заучивания вещи... Вскоре ему уже не приходилось сверяться с текстом – он помнил все статьи и подписи под фотографиями практически наизусть.

И все равно, ощущения полноты и законченности открывшейся Луису исторической правды не возникало. Книга была объемной, но поверхностной; многие слова были юноше абсолютно непонятны и в книге не толковались. Ценным дополнением к книге была небольшая карта Японии. В действительности Япония оказалась островным архипелагом, но в какой части света лежал этот архипелаг, книга опять же умалчивала.

Лоренцо предположил, что наверняка большинство островов и архипелагов планеты утонуло в океане при Каменном Дожде – примером тому служили полузатопленные острова Великобритания и Ирландия, – только Луис отказывался в это верить. По его мнению, не могла великая нация взять да сгинуть в одночасье под водой. В любом случае должны были сохраниться еще какие-либо доказательства ее существования, кроме этой книги. Как алкоголик заикливается на выпивке, так и Луис заиклился на поиске новых сведений о своей таинственной прародине...

Раньше Луиса вообще не интересовали обнаруженные при раскопках книги – не было тяги к чтению, – но теперь любопытство запылало в нем неудержимым огнем. Пришлось идти на поклон к старшине, чтобы тот выписал ему постоянный пропуск на склад, куда сносились вся найденная общинниками литература. Гонелли долго всматривался в горящие надеждой глаза Луиса, словно боялся, как бы его искрящийся взгляд ненароком не воспламенил легковозгораемое содержимое книжного склада. Но пропуск выписал: пусть парень сам докапывается до всего; отвечать на его постоянные расспросы старшина уже устал. Да к тому же большинство ответов на вопросы юного друга Лоренцо не знал.

По описанным выше причинам, книжный склад Барселонской Особой не блистал разнообразием книг и полностью освобождался от содержимого лишь раз в полгода. Однако, несмотря на это, на его ревизию у Луиса ушла целая неделя. Кашляя от бумажной пыли, Морильо перекладывал с места на место древние книги. Большинство из них он даже не открывал, ибо уже по обложке видел, что к интересующему его вопросу они отношения не имеют. А какие-то книги юноша бегло пролистывал, а некоторые изучал довольно пристально. Луису удалось договориться с кладовщиком Хосе, чтобы тот не бросал в общую кучу все поступающие находки, а складывал их отдельно. От награды за выполнение такой специфической просьбы благородный Хосе отказался, лишь попросил, чтобы юноша угостил его стопочкой-другой агуардиенте². Не менее благородный Луис купил ему целую бутылку.

Через месяц упорного разгребания книжных залежей был достигнут первый результат.

Внешний вид находки был не ахти: обложка оторвана, страницы измяты, кое-каких нет вовсе. К тому же иллюстрации в книге все как на подбор являлись черно-белыми, блеклыми и нарисованными от руки – не чета богатейшей подборке цветных фотографий любимой и до сей поры единственной книги Луиса Морильо.

Причина, по которой найденная книга не была отправлена Луисом назад, в общую кучу, крылась в непонятных витиеватых символах, присутствующих в книге едва ли не на каждой странице. Подобные символы юноша видел на фотографиях японских городов, где точно такие же не поддающиеся расшифровке письмена красовались на каждой вывеске – от огромных светящихся табло до едва различимых табличек с названиями улиц. Одно это наталкивало на мысль, что найденная книга непременно расширит кругозор Морильо по интересующей его теме.

На сей раз Луису достался действительно крепкий орешек, благо под каждым из паукообразных символов имелось английское пояснение. Но и пояснения помогали слабо, поскольку

² Агуардиенте – испанская водка.

книга пестрела узкоспециализированными терминами, перевод коих на святоевропейский язык ничего не давал.

Единственная истина, которую Луис уяснил после досконального изучения находки: книга являлась своеобразным трактатом по ведению боя как холодным оружием, так и голыми руками. Плохо прорисованные иллюстрации в основном демонстрировали от души мутузящих друг друга мужиков, одетых в свободную белую одежду, напоминавшую грубо пошитое крестьянское исподнее. Каждый из мужиков демонстрировал на противнике невероятные по исполнению удары ногами, при попытке воспроизвести которые в реальности Луис потянул связку в паху. Помимо ударов ногами, рисованные мужики показывали уже не столь оригинальные удары руками, борцовские приемы и смахивающие на акробатический танец парные комбинации с разнообразным оружием в руках. Называлась вся эта обязанная впечатлять в реальном исполнении эквилибристика «боевыми искусствами». Все «искусства» подразделялись на различные категории, названия которых – Карате-до, Нито-рю, Джиу-джитсу – больше походили на магические заклинания, нежели на имена собственные.

Непонятым для Луиса – то есть примерно половина книги – осталось все, что относилось к внутренней энергии человека. Согласно заверениям авторов книги, сия невидимая субстанция циркулировала внутри каждого человека и при должном использовании ее в схватке она могла заставить бойца творить чудеса, повергая на землю по несколько противников одновременно. К непонятому юношей относились также статьи о различных точках человеческого тела, об искусстве медитации и описания странных обрядов, до боли похожих на языческие. В послесловии к книге особо подчеркивалось, что только после глубокого усвоения всех вышеперечисленных дисциплин человек способен стать истинным воином, знатоком древнего искусства поединка.

Луис приуныл: стать преемником древних знаний предков очень хотелось, но все упиралось в банальное непонимание. Бог с ними, ударами и танцами с мечами – выучить и отточить их развитому физически и окрепшему в тяжелой работе пареньку будет несложно. Но вот как направить в нужное русло внутреннюю энергию тела, если даже приблизительно не знаешь, что это такое и с чем ее едят? Проблема...

А медитация? Едва Луис закрывал глаза, чтобы «отринуть все мысли, погрузиться в себя и сделать сознание чистым, словно горный ручей», как через пять минут он уже засыпал. А ведь из медитации требовалось выходить не заспанным, а «очищенным от душевной грязи и готовым к великим свершениям». Юноше было стыдно за собственную мягкотелость. Стыдно как перед собой, так и перед давно умершими предками, которые – он верил – внимательно следили за ним с небес и горько при этом вздыхали...

Помочь Луису разобраться с недоступными для его разума материями мог только человек, который был взрослее и мудрее его. Такой мудрец среди близких знакомых Луиса выискался лишь один...

Лоренцо уже неоднократно проклял тот день, когда подарил своему юному другу книгу с картинками. Он как обычно с кислой миной выслушал очередную череду вопросов Луиса, пролистал принесенный им трактат и попросил дать ему книгу на некоторое время. И хоть юноше было жаль передавать в посторонние руки бесценную находку, отказать просьбе человека, которого Луис уважал больше всех на свете – практически боготворил, – он не мог...

Лоренцо вернул книгу через два дня.

– Довольно любопытно, – подытожил он прочитанное. – Сроду ничего подобного не читал. Говоришь, на складе нашел?.. Хм, никогда не думал, что у нас на складе есть такая литература. Такую книгу не то что епископат – и искатель не всякий оценит, а тем более до склада донесет. Удивляюсь, как ее парни на самокрутки не пустили... И чему же ты хочешь по ней научиться?

– Я хочу овладеть боевым искусством! – как на духу выпалил Луис. – Стать таким же непобедимым, как мои предки!

– Короче говоря, ты хочешь научиться бить людям морды? – донельзя упростив, переспросил Лоренцо.

Юноша обиженно засопел. Лоренцо, видимо, его не понимал: искусство – это искусство, а мордобой – это мордобой. Искусство – это красота и совершенство, а мордобой – грязное и омерзительное занятие.

Лоренцо заметил, что Луис насупился, и дружески похлопал его по плечу.

– Ну хорошо, будь по-твоему: это искусство побеждать врага, – примирительно сказал он. – Только, видишь ли, в чем дело: я очень внимательно прочитал твою книгу, но тоже не особо-то в ней разобрался. Поэтому доподлинно объяснить тебе, что обозначает, к примеру, «внутренняя энергия ци» или точка «тандэн» – или как ее там? – не сумею. Но могу рассказать, что сам под этим подразумеваю. Основную мысль я, пожалуй, уловил: посредством всех этих мистических энергий книга учит тебя прежде всего одерживать верх над врагом, ради чего якобы следует сначала победить себя. И мне было бы интересно перво-наперво услышать, как ты представляешь себе, что кроется за этой фразой. Каким образом ты собираешься победить себя?

Луис пожал плечами, что означало: «если бы знал, не пришел бы к тебе, правильно?»

– Все с тобой ясно, приятель... – вздохнул Гонелли. – Ну хорошо, тогда ответь на вопрос: что ты почувствуешь, когда после тяжелого рабочего дня я возьму, да и отправлю тебя на вторую смену?

– Мне это не понравится, – честно признался юноша, но добавлять, насколько ему это не понравится, не стал – мал еще, чтобы грубить старшине.

– А теперь представь, что в этой ситуации ты не дожидаясь моего приказа, а сам приходишь ко мне и требуешь отправить тебя на вторую смену, причем на самый тяжелый участок раскопок.

– Вот еще! – вырвалось у Луиса. – Зачем?

– А затем, что ты стремишься всецело постичь мастерство искателя и готов ради этого трудиться невзирая на усталость, хотя больше всего на свете тебе хотелось бы сходить после работы в бар или выспаться.

– Нет, ну я, конечно, хочу стать хорошим искателем, но... – замаялся Луис. – Но ведь отдыхать тоже когда-то надо.

– Тогда как же ты собираешься постигать свое боевое искусство? – ехидно поинтересовался Гонелли. – Дело это трудоемкое и хлопотное. Днем ты работаешь, вечером отдыхаешь, ночью спишь.

– Не знаю... Может быть, по выходным?

– Интересно, далеко бы ты продвинулся, читая подаренную мной книгу только по выходным дням?

На такой сильный аргумент юноша не нашел что возразить. Старший друг поставил его в тупик.

– Вот чего от тебя требуют в книге, – перестал испытывать терпение паренька Лоренцо. – Вот это и называется «победой над собой». Ты должен учиться, несмотря на усталость, заставлять себя заниматься тяжелыми тренировками тогда, когда все твои друзья отдыхают или уже спят. Ты должен тренироваться ежедневно, при любой погоде. Терпеть боль. Не заикливаться на поражениях... Ты усвоил или лучше надо разжевать?

Действительно, трактовка Лоренцо одного из непостижимых для Луиса моментов книги была настолько логичной, что никаких «разжевываний» больше не требовала.

– И если ты в силах пойти на такой шаг ради достижения своей цели, если ты не сойдешь с пути – значит, ты сумел победить себя, а со временем научишься побеждать и врагов, – про-

должал старшина. – Сейчас перед тобой два пути: можешь следовать малопонятным советам своей книги, а можешь следовать моим. Я дерусь достаточно давно и на турнирах, и в жизни, поэтому думаю, что могу кое-чему тебя научить. Таким акробатом ты, конечно, не станешь... – Лоренцо указал на иллюстрацию в книге, где один боец бил другого ногой в голову, находясь при этом в высоком прыжке. – Но как драться грамотно и эффективно, покажу. В конце концов, обе лежащие перед тобой дороги придут в одну точку. Вот только идти с проводником будет куда разумнее, чем по написанному неизвестно кем и когда путеводителю... В общем, решай сам.

Юноша посмотрел на книгу, потом вспомнил, как Лоренцо разделался в баре с четырьмя обидчиками практически не сходя с места... Картинные позы книжных бойцов впечатляли, но представить подобное в реальном бою было сложно. На что способен Лоренцо, и представлять было не нужно. К тому же доводы его являлись простыми и понятными, не в пример тем, что в книге...

И Луис выбрал проводника. Юноша решил, что вернуться к написанному в книге предков он сможет всегда, как и определить, брать что-либо оттуда вдобавок к урокам Лоренцо или не брать. Две дороги, о которых говорил наставник Луиса, не только сходились в одной точке, но и пролегали в пределах видимости друг друга. Поэтому молодой искатель справедливо рассудил, что если вдруг какой-то участок пути покажется ему труднопроходимым, его всегда можно будет попробовать преодолеть по-альтернативному.

«Лоренцо достойный человек для того, чтобы стать моим Учителем, – подытожил Луис. – Мудрые предки наверняка со мной согласились бы...»

– Прибыл молодой сеньор Рамиро, – сообщил привратник старшему тирадору, когда тот въезжал в ворота асьенды.

– Давно? – спросил Сото Мара, притормозив байк.

– Два дня назад, – ответил привратник. – Приехал с женой и детьми погостить на неделю...

Рамиро ди Алмейдо был единственным сыном дона Диего. Он жил в Мадриде с тех пор, как достиг совершеннолетия и отец определил его в престижную Оружейную Академию. Дон ди Алмейдо сына любил, однако считал, что негоже молодому человеку расти на всем готовом, так что едва Рамиро поступил в Академию, как финансирование отцом его студенческих кутежей прекратилось. Дон ди Алмейдо платил только за учебу сына, деньги на свои прихоти Рамиро вынужден был добывать самостоятельно, подрабатывая вместе с простыми ремесленниками в оружейных цехах.

Отцовское отношение дона ди Алмейдо к сыну было строгим, но справедливым. Самому Диего ди Алмейдо в молодости жилось гораздо тяжелее. Об учебе в Академии он и не мечтал. Рано потеряв отца, Диего получил в наследство практически разоренную ферму, запущенные виноградные плантации и массу кредиторов, старающихся отобрать все это у молодого наследника. И только благодаря врожденной изворотливости и политическому чутью Диего ди Алмейдо умудрился преодолеть все трудности и стать под старость лет тем, кем он являлся сегодня – одним из влиятельнейших землевладельцев не только в Сарагосе, но и во всей Мадридской епархии.

Рамиро ди Алмейдо окончил Академию, да так и остался служить при ней в Мадриде. Имея за плечами не только влиятельную фамилию и образование, но и несколько лет ремесленной практики, вскоре он стал довольно заметной фигурой в оружейной отрасли. Его инженерные заслуги были неоднократно по достоинству оценены Ватиканом, так что, продолжая в том же духе, Рамиро имел все шансы стать со временем не менее почетным гражданином Святой Европы, чем его богатый отец...

Сото Мара никогда не посылал гонцов и всегда докладывал дону ди Алмейдо об исполнении тех или иных дел лично. Прятаться за спину гонца при возможном гневe сеньора было недостойно, также недостойно было получать похвалу сеньора через посредника. Сегодня ожидалось скорее второе, нежели первое, поскольку ругать Мара было не за что – взятое на себя поручение он выполнил на совесть и следов не оставил.

Дворецкий попросил Сото подождать в вестибюле и удалился разузнать, сможет ли сейчас сеньор принять старшего тирадора. Через минуту дворецкий вернулся и от имени сеньора осведомился, доставил ли Мара то, за чем его посылали в Мадрид. Сото молча указал дворецкому на снятую с байка чересседельную сумку. Дворецкий величаво кивнул и вновь удалился, а когда вернулся, то пригласил тирадора проследовать вместе с его ношей в столовую.

Дон ди Алмейдо находился в столовой не один, а с сыном. Молодой и старый сеньоры только что отобедали и теперь, мирно беседуя, сидели в креслах со стаканами десертного вина в руках.

– Добрый день, сеньор! Сеньор Рамиро! – поприветствовал Сото сначала почтительным полупоклоном отца, потом простым кивком – сына. – Сеньор, я пришел доложить, что порученное мне дело исполнено. Груз доставлен.

– Были какие-нибудь затруднения? – полюбопытствовал дон.

– Пришлось чуть дольше запланированного дожидаться хорошей погоды, но в остальном все как обычно, – ответил Мара, сделав для дона акцент на слове «хорошей»; не говорить же при Рамиро «нужной» или тем более «плохой» – зачем вгонять его в подозрения столь странной работой, для которой хорошая погода – препятствие.

Дон ди Алмейдо улыбнулся, довольно прикрыл глаза и с явным облегчением вздохнул.

– Покажи! – потребовал он у Сото.

– Извините, сеньор?! – недоуменно переспросил Мара и покосился на Рамиро.

– Все в порядке, Сото, – успокоил дон старшего тирадора, давая ему понять, что тот не ослышался. – Покажи мне это. Дай мне наконец взглянуть в его бесстыжие глаза.

Сото еще раз покосился на Рамиро, который следил за ним очень внимательно и с нескрываемым интересом. Затем ответил «как прикажете, сеньор» и поставил сумку на столик для фруктов, предварительно сняв с него корзинку с яблоками и убрав расшитую скатерть.

Рамиро был явно не готов к тому, что узрел перед собой в следующую минуту. Неизвестно, какой вытасченный из сумки сюрприз он ожидал увидеть, но уж точно не отрезанную под основание черепа человеческую голову с застывшими навывкате глазами и распахнутым в предсмертной агонии ртом. Кровь давно стекла с головы Марко ди Гарсиа, и остатки ее впитались в холщовый мешок, который Сото не стал извлекать из сумки. Вместо него он извлек другой мешок – чистый, – расстелил его на столе и аккуратно, будто дорогую хрустальную вазу, выставил голову на обозрение сеньоров. Вернее, обозревать ее взялся лишь сеньор Диего. Рамиро же брезгливо передернул плечами и, отставив в сторону недопитый стакан с вином, отвернулся к стене.

– Я просто... в шоке... отец! – проговорил он дрожащим голосом. Сото показалось, что Рамиро вот-вот стошнит, что в данной ситуации было бы для инженера из Мадрида ничуть не зазорно. Дон ди Алмейдо успел на своем веку поучаствовать в дуэлях, пока их в конце концов не запретили, поэтому вид крови и мертвецов являлся для него привычным. Рамиро был воспитан уже в современном духе, когда хвататься за шпаги и пистолеты при малейших оскорблениях считалось противозаконным. Мара был твердо убежден, что на совести молодого сеньора нет еще ни одной загубленной жизни и вряд ли когда-либо подобное случится. Рамиро являлся специалистом по оружию, но использовать его по назначению в Оружейной Академии не учили.

– Кто был этот человек? – исполнившись наконец решимости, Рамиро обернулся и заставил себя посмотреть на то, что так обрадовало его отца.

– Прилюдно оскорбивший меня негодяй Марко ди Гарсиа! – не стал скрывать сеньор Диего. Опершись на руку Сото Мара, он поднялся из кресла, подошел к столу и встал напротив отсеченной головы обидчика. – Этот человек был недостоин жить в нашем справедливом мире. Теперь он поплатился за собственные злодеяния!

– Казначей архиепископа! – со страхом воскликнул Рамиро. – Отец, ты в своем уме?!

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне! – раздраженный поведением сына, повысил голос дон. – Вам, молодым, уже не понять принципов настоящей чести. Каждый благородный человек прежде, чем сказать что-то другому благородному человеку, должен десять раз подумать, а не призовут ли его к ответу за сказанные слова! Будь я в твоём возрасте, то лично сделал бы это! – Дон указал на стоящую перед ним отрезанную голову. – Жаль, годы не те и сила бывшая давно ушла... Но, к счастью, есть еще достойные и верные слуги, на которых можно положиться; слуги, готовые постоять за честь сеньора!

Дон ди Алмейдо обернулся к Сото, и тот как обычно ответил на похвалу сеньора учтивым полупоклоном.

– Итак, мерзкий интриган, – продолжил дон, склонившись прямо к перекошенному мертвому лицу обидчика, – что же ты хочешь сказать мне сейчас?.. Ну, говори! Я тебя внимательно слушаю!.. Что молчишь?.. Я же сказал тебе тогда, что по-настоящему смеется тот, кто смеется последним! Или ты сомневался?

– Прекрати, отец! – возмутился Рамиро. – Это... это... это просто дикость! Умоляю тебя, немедленно убери его... ее!.. Убери эту мерзость отсюда!

– Ты прав: действительно мерзость! – с холодной усмешкой согласился дон ди Алмейдо и снова обратился к уже начавшей разлагаться и понемногу источать смрад голове Марко ди Гарсиа. – Я знаю, что тебе нечего больше мне сказать! Тогда послушай, что скажу я! Законы чести соблюдены! Мы в расчете и между нами больше нет разногласий! Я прощаю тебя, как велит нам прощать обиды Господь! Покойся с миром!..

При взгляде со стороны разговор дон с мертвой головой выглядел жутко. Сото смотрел на эту сцену спокойно, поскольку присутствовал при подобном не впервые. Но Рамиро был просто вне себя: руки его ходили ходуном. Он то порывался схватить стакан, но понимая, что расплескает вино, нервно одергивал руку, то намеревался вскочить, но тоже по какой-то причине отказывался от этой затеи и лишь дергался в кресле будто пытаемый электричеством богоотступник. Было заметно, что Рамиро желает закатить грандиозный скандал, но присутствие Мара удерживает его от этого.

Отведя душу, дон ди Алмейдо отошел от столика, указал Сото на отрезанную голову прощенного врага и распорядился:

– Избавься от нее. Только позаботься, чтобы не откопали бродячие собаки! Ты хорошо послужил мне, Сото, и в самое ближайшее время я щедро отблагодарю тебя. Можешь идти.

Пока Мара возился с головой, упаковывая ее обратно в мешок и пряча в сумку, Рамиро сумел-таки совладать с непослушным стаканом и залпом осушил его, после чего, немного придя в себя, тут же вновь наполнил его из графина.

– Я никогда не думал, отец, – даже в мыслях не держал! – что ты способен на такое! – уже гораздо сдержаннее проговорил Рамиро после того, как старший тирадор поклонился всем на прощание и, зажав сумку под мышку, удалился. – Это чудовищно! Это противозаконно и если кто об этом узнает!..

– Это, сынок, и есть подлинная справедливость! – вынес для него заключение сеньор Диего, с криком усаживаясь обратно в кресло. – И ты зря беспокоишься: никто об этом никогда не узнает. Мой слуга Сото способен и не на такое. Скажу тебе по секрету... – Дон понизил голос и наклонился поближе к уху сына: – ...есть подозрение, что он якшается с нечистой силой, хотя и не признается мне в этом. Более того, я думаю, что сам он не совсем человек, а наполовину демон или оборотень. Он поклоняется не Господу, а своим древним предкам,

читает книги на непонятных языках, живет по странным законам и чтит их столь же свято, как я – Писание и принципы чести. Именно в понятиях чести мы с ним солидарны, как ни с кем другим. Я даже склоняюсь к мысли, что если будет нужно, он умрет за меня не задумываясь.

– Отец, на твоём месте я давно бы сдал твоего слугу-чернокнижника Инквизиционному Корпусу, а не эксплуатировал его дьявольские умения ради личных амбиций! – прервал его Рамиро. – Ты сам не замечаешь, что противоречишь себе: истово чтить Святое Писание и призываешь на службу нечистую силу!

– Использовать нечистую силу против людей с нечистой совестью отнюдь не зазорно, – не согласился с сыном дон ди Алмейдо. – Думаю, на Страшном Суде меня поймут и простят, ведь это самый справедливый суд из всех, что есть в природе... Однако не предполагал, что мой поступок так тебя напугает. Уж больно размяк ты в своем Мадриде.

– Я испугался вовсе не отрезанной головы, отец! Я боюсь за тебя! – взялся оправдываться Рамиро. – Ты ведешь себя так, словно живешь в Век Хаоса, когда было дозволено абсолютно все: грабь и убивай кого угодно! Так ли уж серьезно оскорбил тебя этот Марко ди Гарсиа?

– Во времена моей молодости за такие оскорбления порой даже не вызывали на дуэль, а убивали на месте! – ответил дон. – Он обвинил меня – благородного и законопослушного сеньора – в том, что я недоплачиваю налоги!

– И только? – изумился Рамиро. – Да разве нельзя было вынести это дело на рассмотрение архиепископа?

– Думай, что говоришь! – сверкнул глазами дон. – Неужто архиепископ встал бы на мою сторону и пошел против своего казначея? Меня затаскали бы по инстанциям и подвергли еще большим унижениям! Но теперь наконец-то справедливость восторжествовала...

Сеньор Диего зевнул и тронул сына за плечо, дабы тот помог ему подняться из кресла.

– Пойду вздремну, – устало произнес дон, направляясь из столовой. – Сегодня с моих плеч свалилась такая гора, и мне надо немного отдохнуть. Вечером покатаю внуков на лошади, если не возражаешь...

Оставшись в одиночестве, Рамиро вылил себе в стакан остатки вина и стал медленно потягивать его. Выражение его лица было хмурым: он впал в глубокую задумчивость, из которой вышел не скоро.

– Папочка явно сбрендил на старости лет, – вернувшись к реальности, пробормотал он под нос, обхватив голову руками и массируя виски. – Если оставить все как есть, со временем он угробит и себя, и меня, и мою семью. Тогда точно не видать мне ни повышения, ни перевода в Ватикан. Надо что-то предпринимать, причем безотлагательно.

И Рамиро удалился в спальню, вот только в отличие от отца на спокойный послеобеденный сон он не надеялся...

– Чему вы так улыбаетесь, брат Карлос? – поинтересовался магистр Жерар у командира Пятого отряда Охотников, когда их автоколонна прибыла в Мадрид и остановилась у здания Мадридского магистрата, построенного на лесистой возвышенности Каса де Кампо, что находилась на западной окраине города.

– Я уже несколько лет не был дома, ваша честь, – ответил Карлос Гонсалес, также известный в Братстве Охотников как Матадор, глядя со ступеней магистрата на раскинувшиеся перед ним до горизонта крыши Мадрида. – Давно не совершал рейды в Мадридскую епархию. Просто соскучился.

– Должно быть, и впрямь очень волнительно вернуться в родные пенаты после долгой разлуки, – согласился Жерар. – Мне этого не понять: я вырос в Ватикане и больше чем на один-два месяца никогда столицу не покидал... А что же вы не съездили на родину в отпуске?

– Да все как-то недосуг было. Только соберешься, как вдруг дела появляются... – вздохнул Карлос и с надеждой в голосе добавил: – Я тут подумал, пока мы ехали: может быть, получится у вас на денечек и в Сарагосу отпроситься?

– Это вряд ли, брат Карлос, – огорчил Охотника Божественный Судья-Экзекутор. – Работы нас ждет много, и времени на отдых совершенно не предвидится. Мадрид взбудоражен, и нам с вами предстоит в кратчайший срок вернуть его честным гражданам спокойный сон.

– Опять секта христопотрошителей бесчинствует? – будучи еще не в курсе задачи их богоугодной миссии, спросил Матадор. Рейд являлся плановым, а в плановых рейдах редко происходит что-нибудь интересное. Поэтому Карлоса Гонсалеса предстоящая Охота особо и не интересовала – поступит конкретный приказ, тогда Охотники и выйдут на сцену.

– Ох, поверьте, даже я до сих пор не знаю, с чьими черными душами нам предстоит иметь здесь дело, – ответил магистр, качая головой. – Кругом сплошные загадки и тайны!.. Вы уже разместили своих людей?

– Так точно, ваша честь. Магистр Гаспар отвел нам под расквартирование третью казарму.

– Вот и хорошо. В таком случае не загоняйте в гараж ваш «Хантер», а идите-ка захватите трех братьев, и мы прокатимся с вами в одно откровенно дьявольское местечко.

– Тогда не лучше ли будет взять с собой весь отряд и орудия огневой поддержки? – беспокоясь о безопасности Жерара, предложил Карлос. Устав предписывал Охотнику посещать «дьявольские местечки» только во всеоружии.

– Это, пожалуй, будет излишним, – отмахнулся Жерар. – Охоты там не ожидается. Там уже до вас кое-кто неплохо поохотился...

Служебное рвение Божественного Судьи-Экзекутора Жерара Леграна нервировало даже такого преданного долгу Охотника, как Карлос Гонсалес. Матадор имел все основания полагать, что этот суетливый неугомонный французик до отставки точно недотянет и отдаст Богу душу прямо на служебном посту, возле Трона Еретика, в окружении пыточных инструментов. Вот и сегодня, не успел еще подчиненный Жерару Пятый отряд обосноваться в казармах мадридского подразделения Братства Охотников, а сам магистр передохнуть с дороги, как та шлея, что вечно попадала ему под хвост, снова дала о себе знать. Жерар не мог даже спокойно ехать в автомобиле, постоянно ерзал на сиденье, норовя протереть своим костлявым задом кожаную обивку.

– О каких загадках и тайнах вы только что упоминали, ваша честь? – спросил у Жерара Карлос, полуразвернувшись к магистру с командирского сиденья «Хантера». Вел автомобиль заместитель Матадора: брат Риккардо. Путь предстоял неблизкий: через весь Мадрид к восточной окраине, и Карлос подумал, что было бы кстати, чтобы по дороге Жерар ввел в курс дела его и остальных сидевших в машине братьев.

– О тех, что нас ожидают впереди, брат Карлос, – ответил французик, еще больше напуская тумана на сказанное им полчаса назад. – Я специально напросился в этот рейд, потому что безумно обожаю загадки. – «Не загадки ты любишь, а к званию «почетный инквизитор» рвешься, поэтому и хватаешься за все подряд, даже за то, в чем ни черта не смыслишь», – подумал при этом Матадор. – Сначала это дело проходило по линии Защитников Веры, но недавно они расписались в собственном бессилии и сказали, что умывают руки. В связи с этим архиепископ Мадридский вызвал нас.

– Защитники Веры? – Карлос поморщился. – Нам что, ваша честь, спихнули обычную нераскрытую уголовщину?

– Отнюдь! – возбужденно блеснув глазами, возразил Жерар. – Действительно, на первый взгляд и впрямь смахивает на уголовщину, но если присмотреться получше!.. Впрочем, скоро сами все увидите.

– И все-таки, ваша честь, может, расскажете нам хотя бы вкратце? – попросил Карлос. Его-то таинственная атмосфера вокруг предстоящего дела нисколько не прельщала.

– Ну если вы так настаиваете...

Возле загородной асьенды обезглавленного казначея Марко ди Гарсиа уже не было той суеи, что кипела здесь в первые дни после убийства. Семья покойного Марко собиралась продать покрывший себя зловещей славой дом и перебралась в Мадрид, поэтому сегодня в асьенде жили только несколько самых преданных слуг ди Гарсиа – тех, что не разбежались в ужасе после произошедшей трагедии. Ворота асьенды не охранялись – проشياпившие убийцу опозоренные тирадоры также разбрелись восвояси, – и «Хантер» Инквизиционного Корпуса проехал внутрь беспрепятственно. Карлос успел заметить большие деревянные кресты, прибитые к оборонительной стене через каждые десять метров. Но едва Матадор собрался заострить на этом факте внимание магистра Жерара, как брат Риккардо резко затормозил, чуть не врезавшись в выскочивший из-за караульной будки старенький «Сант-Ровер» с эмблемой Братства Защитников Веры на дверце.

«Сант-Ровер» принадлежал заместителю командира мадридских Защитников Веры брату Рохасу.

– Я с утра вас тут дожидаясь, – посетовал Рохас после того, как отсалютовал вылезшему из «Хантера» Божественному Судье-Экзекутору. – Уже уезжать собрался.

Карлос и другие Охотники также представились и пожали Рохасу руку. Рохас наказал одному из слуг присматривать за автомобилями, а сам повел гостей в дом. При виде представителей Инквизиционного Корпуса остальные слуги попрятались кто куда, не желая лишний раз показываться на глаза инквизиторам: опасные гости – один косой взгляд в их сторону, и можно легко загреметь в застенки магистрата, откуда живым и здоровым редко кто возвращался.

– И почему же, брат Рохас, вы решили списать это убийство на демона Ветра? – полюбопытствовал Жерар после того, как бегло осмотрел опечатанную Защитниками Веры спальню. В ней была детально сохранена картина преступления: все, как и в ту злополучную ночь, кроме, разумеется, тел. Вместо них в спальне присутствовали четыре соломенных чучела. Два сидели в заляпанных запекшейся кровью креслах, одно лежало в центре кровавого пятна на полу, а четвертое, изображающее мертвого казначея, развалилось поперек также обильно залитой кровью кровати и не имело на своих соломенных плечах тряпичной головы.

– Судите сами, – пустился в разъяснения Рохас. – Спальня была заперта изнутри. Демон влетел в окно и расправился с тремя охранниками так, что они даже не успели пошевелиться. Затем адская тварь оторвала голову сеньору ди Гарсиа, после чего пробралась на крышу – мы выяснили это по оставленным в коридоре следам крови, – откуда бесследно исчезла. Убийца ди Гарсиа даже по земле не ходил! Никаких следов ни во дворе, ни за оградой, хотя она окружена клумбами, а не оставить на них следов попросту невозможно. И кто, по-вашему, мог это сделать, если не демон?

– Да, пожалуй... – Вид у Жерара сразу стал отсутствующий – видимо, предвкушая разрешение занимательных загадок, он и не думал, что они окажутся настолько неразрешимыми. – И что, у вас нет совсем никаких зацепок?

– Были бы зацепки, мы бы не вызывали сюда вас – экспертов по нечистой силе. – Последние слова были сказаны Рохасом с явно выраженной издевкой, но инквизиторы пропустили сарказм Защитника Веры мимо ушей. Они были поглощены изучением окружающей обстановки.

Карлос перешагнул через лежащее на полу чучело и подошел к раскрытому окну, на подоконнике которого уже успел скопиться изрядный слой пыли.

– Скажите, брат Рохас, – поинтересовался он, – вам не кажется странным, почему демон влетел в окно, а для того, чтобы покинуть спальню, ему понадобилось выбираться на крышу?

– Безусловно, мы обратили на это внимание, – отозвался Защитник Веры. – Единственное объяснение: вероятно, у демона огромные крылья. Расправить их на подоконнике он толком не мог, в связи с чем и покинул дом именно с крыши. Ласточки, к слову, тоже никогда не садятся на землю, поскольку длина их крыльев по отношению к телу настолько велика, что взмахнуть ими как следует для взлета с земли они не могут.

– Я знаю про ласточек, – огрызнулся Матадор, пригладив в задумчивости ладонью свою маленькую испанскую бородку. – И все же есть противоречие: вы сказали, что сидеть на подоконнике с расправленными крыльями ваш демон не мог. Отсюда следует и другой вывод: для того чтобы попасть в окно, демон влетел в комнату со сложенными крыльями на приличной скорости – будто ястреб камнем упал. Согласитесь: при этом он неминуемо должен был оборвать все шторы, однако они на месте, как и цветы на подоконнике. Дальше. Вы только вообразите: существо с огромными крыльями врывается в комнату и начинает жестокую резню. Где при этом крылья?

– Сложены за спиной! – подключился к разговору магистр Жерар.

– Пусть даже и сложены, – продолжал Карлос. – Но чтобы приблизиться к сидящим в креслах охранникам, ему нужно было пройти между вот этими рядами светильников. Лично я могу протиснуться между ними – я не очень-то широкоплеч. А у вашего демона – с ваших же слов! – за спиной такие крылья, что в разложенном состоянии они наверняка дотянулись бы до противоположных стен спальни. Да убивая направо и налево, он разнес бы тут все к чертовой матери... виноват, ваша честь. Кстати, мы еще не видели лаз на чердак...

– М-да... он достаточно узок и для человека, – заметил озадаченный Рохас, после чего признал: – Видимо, вы правы: либо демон летает без крыльев – тогда непонятно, зачем ему вообще сдалась крыша, либо... У нас больше нет на этот счет версий. Вы извините, но я тороплюсь. Все интересующие вас документы вы можете получить у моего командира. Если есть еще какие-нибудь вопросы...

– Нет, спасибо, можете идти! – Жерар произнес это нарочито властным тоном, дабы показать, что ответственный за расследование все-таки он, а не брат Карлос, который как-то чересчур рьяно взялся за выяснение обстоятельств убийства, хотя в действительности должен был лишь ассистировать и оберегать магистра.

– Последний вопрос, брат Рохас, – придержал Защитника Веры Матадор, ощутив при этом на себе крайне недовольный взгляд Жерара. – Кто являлся основным врагом ди Гарсиа?

– Кто являлся основным врагом главного казначея епархии, ответственного за налоговые сборы? – усмехнувшись, переспросил Рохас. – Да не проходило и недели, чтобы он не предъявлял кому-нибудь обвинение в нарушении налогового законодательства. Он жил в окружении врагов. Можете подозревать каждого, кто был в его списках. А они у него только за этот год вобрали в себя несколько десятков фамилий.

– Что ж, благодарю вас, – кивнул Охотник, давая понять, что Защитник Веры свободен.

– Желаю удачи, ваша честь! Брат Карлос! – откланялся тот и удалился.

– Брат Карлос, я настоятельно попросил бы вас не превышать ваших полномочий, – обратился Жерар к Матадору с завуалированным под вежливую просьбу упрек. – Своими неожиданными вопросами к брату Рохасу вы... хм... сбили меня с мысли.

– О, покорнейше прошу меня простить, ваша честь, – рассыпался в любезностях Карлос, что при его давно известном в Братстве Охотников горячем нраве выглядело довольно лицемерно. – Я лишь хотел вам помочь, и только. Уверяю вас: больше такое не повторится.

И Гонсалес демонстративно отошел к двери, где толпились его бойцы. Риккардо и братья посмотрели на командира с еле заметными ухмылками. Карлос ухмыльнулся им в ответ – мол, давайте-ка, амигос, поглядим на работу нашего гениального отгадчика головоломок, раз уж он такой любитель докапываться до всего самостоятельно.

Магистр прошелся по комнате, поскреб пыль на подоконнике, зачем-то сунул нос под кровать и за штору, внимательно осмотрел потолок и заглянул в стоявшие на туалетном столике шкатулки. Во время своих поисков Жерар ни на секунду не терял крайне сосредоточенного выражения лица, однако взгляд его почему-то оставался растерянным, как будто мысли магистра витали сейчас далеко от асьенды ди Гарсиа.

– Драгоценностей нет, – во всеуслышание сообщил магистр, демонстрируя Карлосу пустую шкатулку. – Видимо, демон забрал и их тоже... Опять же зачем демону драгоценности?... Да, задали нам с вами работенку.

Карлос как образцовый подчиненный невозмутимо молчал, дожидаясь либо прямого вопроса, либо конкретного приказа. Магистр еще некоторое время поизображал великого сыщика, после чего наконец не выдержал:

– Ну хорошо, брат Карлос, раз вы так хотите мне помочь, невежливо будет отклонять вашу инициативу. Итак, что вы обо всем этом думаете?

– Демон не забирал драгоценности, – первым делом исключил магистерское предположение об алчности демона Карлос. – Они были взяты недавно – видите, на шкатулках скопилось много пыли и на ней отчетливо видны следы пальцев. Тонких женских пальцев. Может быть, отпечатки оставила горничная, а возможно, драгоценности умудрилась тайком забрать из опечатанной комнаты сеньора ди Гарсиа – мы не знаем. Не это должно нас с вами волновать. Пропали побрякушки – и черт с ними... виноват, ваша честь.

– Да и правда – черт с ними! – широко улыбнулся французик, явно стараясь своим нарочито компанейским тоном вернуть расположение Матадора, которое магистр чуть было по неосмотрительности не утратил. – Пусть пропавшими побрякушками Защитники Веры занимаются. Мы же с вами будем думать о том, как изловить это исчадие ада и как спасти его гнилую душу... если, конечно, она у него осталась.

– При всем уважении, ваша честь, здесь побывало явно не исчадие ада, – возразил Охотник.

– Вы хотите сказать, что это дело рук обычного человека?

– Что человека – несомненно, а вот обычного или нет – сейчас выясним.

Карлос снова подошел к окну, после чего сдул с подоконника пыль, взобрался на него с ногами и, придерживая себя за наличник, высунулся наружу и посмотрел вверх. Затем попытался свободной рукой дотянуться до карниза.

– Высоко, – подытожил он, слезая с подоконника. – Я бы не смог проделать такой трюк.

– Вы подозреваете, что этот демон... или человек спустился сюда с крыши на веревке?

– Он мог спуститься с крыши, но только не по веревке! – категорично отринул это предположение Карлос. – Нижний ряд черепицы выступает. Обопрись на него натянутая как струна веревка с карабкающимся по ней человеком, черепица неминуемо бы обломилась: жженная глина – довольно хрупкий материал. Убийца должен быть необычайно проворен, чтобы проделать такое без веревки. При том, что внизу охрана и собаки... Нет, он попал сюда не через окно. Теперь проведем такой эксперимент...

Под недоуменным и отчасти испуганным взглядом магистра Гонсалес резко извлек нож Охотника из ножен на поясе и нанес им удар по воздуху.

– Первый готов! – изрек после этого Карлос, указав ножом на лежащее у него под ногами чучело. – Он падает, и явно не без шума...

Затем, едва не задев светильники, Матадор двумя прыжками преодолел расстояние до чучела, что сидели в креслах.

– Вот здесь уже гораздо сложнее, – размышлял он вслух. – Если только они не спали.

Матадор по очереди ткнул ножом в оба чучела, проделав серию ножевых ударов с грацией того, в честь кого и был награжден своим знаменитым прозвищем.

– Разумеется, они спали, поскольку иначе никак, – продолжал он. – Но даже с учетом их неподвижности, убийца все равно должен быть быстрым до невероятия.

Отойдя от кресел, Карлос с ножом в руке приблизился к кровати и склонился над безголовым чучелом. Имитировать убийство Марко ди Гарсиа он уже не стал – боялся, что это будет выглядеть по отношению к мертвому казначею не совсем почтительно. Оглянувшись назад и измерив взглядом весь свой путь по комнате, командир Пятого отряда пригладил бородку, как обычно бывало с ним в минуты раздумий, потом уверенно помотал головой.

– Не берусь судить о повадках демонов, – проговорил он, возвращая нож в ножны, – но брать с собой голову жертвы в качестве доказательства выполненной работы – характерный почерк наемного убийцы. Или даже убийц... Брат Марчелло! – обратился Карлос к одному из бойцов. – Пригласи-ка сюда дворецкого. Кажется, он прячется сейчас в чулане.

Оказавшись в окружении пяти инквизиторов, перепуганный дворецкий выказал необычайную словоохотливость. На вопросы Матадора он отвечал столь обстоятельно, что брату Риккардо частенько приходилось подзатыльниками направлять его в нужное русло. Карлоса, однако, совершенно не интересовало, кто и когда из прислуги или тирадоров прилюдно богохульствовал, о чем дворецкий все время пытался его проинформировать. Все вопросы Гонсалеса касались личностей и прошлого тех людей, кто служил в момент убийства в асьенде ди Гарсиа. Само собой, дворецкий не знал доподлинно их биографии, но полученных сведений Карлосу хватило вполне.

– Думаю, ваша честь, нам здесь больше делать нечего, – сказал Карлос, отпустив дворецкого, который со всех ног метнулся в ближайшую уборную.

– Вы в этом уверены? – недоверчиво спросил Жерар.

– Абсолютно. Дело практически закончено. Если вы не возражаете, я все вам объясню по дороге.

– Да уж, извольте постараться...

– ...Как и любой верующий в Бога, я верю и в нечистую силу, что прислуживает мерзкому Сатане, – начал изложение своих выводов Карлос, когда их «Хантер» выехал из ворот асьенды и направился обратно в Мадрид. – В природе есть и демоны, и черти, и прочая нечисть – я не спорю. Но я – Охотник – и за годы службы Корпусу успел усвоить одну непреложную истину: нечистая сила редко когда делает свои черные дела самостоятельно, обычно ради этого она использует тех из смертных, кто готов идти ей в услужение. Поэтому я сразу отмел версию Защитников о демоне. Поймать прислужников Дьявола, что имеют человеческое обличье, намного проще, чем его ближайшее окружение. Все эти мерзавцы такие же смертные, как и мы с вами; впрочем, кому как не вам, ваша честь, этого не знать... Но сегодня мы не будем искать их!

– Вот как? – вырвалось у Жерара. – А кого же нам тогда предстоит призвать к ответу?

– Я привык мыслить как Охотник, ваша честь, – продолжал Карлос, – то есть от простого к сложному. Но сегодня меня заставили делать это в обратном направлении и хотели навязать поиск решения там, где его следует искать в последнюю очередь.

– Хотели навязать? – переспросил Жерар. – Кто?

– Один момент, ваша честь, обо всем по порядку. Для начала представьте себе такую ситуацию: вы очень богаты, и вам крупно насолил некий человек, поэтому вы решаетесь его убить. Что вы предпримете?

– Да полноте, брат Карлос! – укоризненно покачал головой магистр. – Я законопослушный и богобоязненный гражданин и предпочитаю выяснять отношения с обидчиками по законам нашей страны...

– Ваша честь, лично я и в мыслях не держу, что вы способны преступить закон! – поспешил утешить его Матадор. – Я высказался так лишь гипотетически.

– Но если гипотетически... Имея средства, я найму лучшего наемного убийцу и обязательно сделаю это через посредника.

– Это будет очень разумно, ваша честь, – польстил Жерару Карлос, но в его голосе сарказма было куда больше, чем лести. – Без посредников в таких делах никогда не обходится. Но прежде, чем посылать посредника на поиск наймита, вы бы наверняка дали ему сначала другое задание.

– Какое еще задание? – непонимающе вскинул брови магистр.

– Я не сомневаюсь, что вы бы послали его разузнать, а нельзя ли подкупить на убийство охрану вашего обидчика, если она у него все-таки имеется. Ведь при удачном подкупе приближенных к жертве слуг у вас окажется гораздо больше шансов на успех. Также это поможет вам сэкономить деньги.

– А, вот вы о чем! – закивал Жерар. – Да-да, конечно, вы правы: я бы постарался в первую очередь подкупить именно охрану... Пойдите-ка! Уж не подозреваете ли вы в убийстве Марко ди Гарсиа его охрану?

– В самую точку, ваша честь! – ухмыльнулся Гонсалес. – Вы на редкость проницательны.

– Но почему же тогда Защитники Веры не смогли вывести их на чистую воду?

– А вы не забыли, о чем поведал нам дворецкий? – напомнил Матадор. – В охране ди Гарсиа служило больше половины отставных Защитников Веры. А где мы находимся? Мы с вами в Испании, ваша честь! В моей стране очень сильны клановые отношения, и в любой местной силовой, и не только структуре, вы прежде всего встретите уйму связанных родственными узами сотрудников. Ничего не попишешь – таковы наши традиции. Поэтому я не сомневаюсь, что у многих охранявших ди Гарсиа отставников имеются родственные связи с Защитниками – возможно, даже высокопоставленными, – которые находятся на действующей службе. Защитники Веры давно бы раскрыли это дело, если бы не...

– Вот оно что! – хлопнул себя по коленкам озаренный догадкой Жерар. – Родственник не подозревает родственника! Круговая порука! Рука руку моет! Пыль в глаза Инквизиционному Корпусу! Продажный охранник, имеющий крепкий иммунитет от подозрений!

– Разрешите уточнение, ваша честь, – прервал Матадор вскипевшего от наплыва чувств магистра. – Не «охранник», а «охранники» – так логичнее. Стрелять заговорщики не рискнули – их бы тут же разоблачили. Они взяли ножи и поднялись в спальню. Естественно, телохранители казначея открыли им без вопросов. Вы видели: двое из телохранителей даже из кресел не встали. Двое или трое заговорщиков без труда разделались с ними, отрезали голову своему сеньору, а после все инсценировали так, чтобы свалить убийство на демона Ветра. Тем более что казначей сам пуще смерти его боялся – вы же заметили кресты на стенах и крыше? Но желая усугубить ужасную картину, они явно переиграли. Было бы намного реалистичнее, если бы их мнимый демон Ветра убрался туда, откуда пришел. То есть в окно. Однако вся беда состояла в том, что запереть спальню изнутри заговорщики уже не могли. Эта нелогичность и отменяет все подозрения о нечистой силе. Такие вот дела.

– Вот мерзавцы! – вскричал Жерар, потрясая кулаками с такой яростью, что сидевшие рядом с ним Охотники принялись предусмотрительно отодвигаться. – Всучили нам сказку о демоне и глазом не моргнули! Да я просто уверен, что местные Защитники даже знают того, кто совершил убийство! Думали, что избавились от проблемы, переложив ее нам на плечи! Гоняйте, мол, своих демонов на здоровье! Не на тех напали! Брат Карлос, завтра же... нет – сегодня же доставьте всех до единого подозреваемых в убийстве отставников-тирадоров ко мне в магистрат! И этого лицемера Рохаса тоже!

– Боюсь, с Рохасом возникнут проблемы, – заметил Матадор. – Он еще не в отставке и находится на государственном посту.

– О нет, брат Карлос! – вскричал магистр. – Проблемы не у нас, а как раз у Рохаса! Пока вы будете заниматься арестом отставников, я свяжусь по телеграфу с Апостолом Инквизиции и опишу обстановку! Ордер на проведение дознания с Рохасом у меня будет уже к утру!

– Как прикажете, ваша честь, – кивнул Гонсалес. – Возьмем подозреваемых сегодня ночью прямо из постелей. Это занятие моим братьям куда привычнее, чем за демонами гоняться. Тем более за выдуманными демонами.

А сам при этом с усмешкой подумал, что неважно каков демон – выдуманный или реальный, – такой дотошный инквизитор, как Жерар Легран, сможет доказать сговор с ним даже архиепископа Мадридского. Дали бы только французике волю...

В Лоренцо Гонелли определенно имелись задатки прирожденного наставника. Для Луиса, у которого еще со времен приюта слово «наставник» вызывало лишь отвращение, методы преподавания Лоренцо были непривычны. Старшина никогда не твердил «я так сказал», «молчи и не перебивай», «не спорь» и многое другое, что выслушивал юноша от приютских наставников по несколько раз на дню. Гонелли объяснял все доходчиво, любил использовать наглядные примеры и самое главное – никогда не повышал голоса.

Единственное, что не нравилось Луису, – это тяжелые кулаки Лоренцо. Но сетовать на крепость ударов Учителя (так по аналогии с древней книгой стал называть старшину Луис) было глупо, поскольку тот преподавал не светские манеры, а «науку грамотного мордобоя». Освоить же эту науку без синяков и шишек было равносильно обучению плаванию без вхождения в воду.

– Ты многое не понял из своей книги по одной причине, – говорил Лоренцо, глядя, как Луис сооружает по его приказу непонятную для себя конструкцию, водружая на два табурета бочонок с водой. – Предки твои были на редкость поэтичными людьми, раз относили мордобой к искусствам. Ты только глянь, сколько церемонности: определенная одежда, поклоны, слова, строго очерченный характер передвижений... А удары: «Лапа Тигра», «Дракон Бьет Хвостом»!.. Лично я называю их куда проще: «двинуть в челюсть» и «пнуть под задницу». Натуральные поэты, честное слово... Но в этом и заключена проблема: поэты зачастую говорят столь образные и витиеватые речи, что понять их таким неотесанным болванам, как мы с тобой, очень сложно. Даже твой предок согласен с этим; вот здесь сказано: «Мы не понимаем многого, потому что наш ум груб и невоспитан». Что поделаешь, раз так оно и есть... Поэты называют элементарные предметы столь изысканно, что порой за красотой названия теряется сам предмет. Поэты окружают какое-нибудь незамысловатое занятие букетами традиций, преподнося его так, что без этих традиций оно якобы теряет всякий смысл. Возможно, в чем-то они правы, но... Не знаю, как ты, а я всегда считал, что жизненно необходимые вещи должны быть предельно просты. Настолько просты, чтобы в нужный момент ты о них даже не задумывался, но действовал на уровне инстинктов. Задумываться о трудностях надо до их появления, а не во время борьбы с ними. По крайней мере, к драке это относится в первую очередь...

Луис прислушивался к каждому слову Лоренцо, боясь упустить что-либо важное. И хоть потом всегда можно было переспросить, юноша старался вникать во все с первого раза – в этом проявлялось подлинное уважение ученика к Учителю. Благо, запоминать наставления Гонелли было легко, не то что заучивать в приюте псалмы за церковными псалмопевцами.

– Тем не менее, если судить по фотографиям, предки твои ничем не отличались от нас... кроме черт лица, разумеется, – продолжал урок Лоренцо. – Самые обычные люди, разве что чуть более низкорослые. Поэтому все принципы рукопашной схватки, о которых известно мне, применялись и ими – это бесспорно. Существуют такие незыблемые постулаты, как законы физики и анатомия человеческого тела. Помня о них, хороший боец достигнет куда большего, нежели будет без конца погружаться в себя и очищать мысли всякими заклинаниями, надеясь на пробуждение всесильной энергии «ци».

– Я ничего не смыслю в физике, а в анатомии и подавно, – огорченно вздохнул Луис. – В приюте нам рассказывали, что эти сложные науки преподают только в Академиях. Их изучают на примере различных формул и опытов.

– Я могу поспорить, что в физике ты разбираешься гораздо больше, чем тебе кажется, – усмехнулся Лоренцо и взял со стола самую тяжелую гирию от амбарных весов. – Хочешь, докажу?.. Лови!

И с этими словами он бросил гирию в Луиса; не со всей силы, но попади она в юношу, хорошего от этого было бы мало.

Позабыв об ученической вежливости, Луис грязно выругался и отпрыгнул в сторону. Гирия с тяжелым стуком упала на землю рядом с ним.

– Ты это... совсем с ума сошел, что ли!.. На кой черт так делать? – возмутился ученик, стараясь все же не выходить за рамки приличия.

– Можешь считать это уроком по физике номер один! – рассмеялся Гонелли. – Вопрос первый: почему ты отпрыгнул в сторону, а не стал ловить гирию, как я тебе приказал?

– Сам, что ли, не догадываешься? – огрызнулся Луис. – Руки бы себе отшиб да спину потянул!

– Вопрос второй: что ты думал, когда увидел, что гирия летит в тебя?

– Ну, если не считать бранных слов, то... по-моему, ничего. Просто отпрыгнул, и все.

– А теперь рассмотрим твоё поведение с точки зрения физики. – Лоренцо отломал от веника прутик и стал чертить на песке различные стрелки и окружности. – Любой движущийся предмет обладает силой, способной при столкновении передаваться другим предметам – в нашем случае это летящая гирия и ты. Сила удара зависит от скорости и веса движущегося предмета. Поймай ты гирию, её сила передалась бы тебе: оттолкнула бы тебя назад и отбила твои пальцы. Ты четко знаешь, что без ущерба для себя не сможешь поймать в полете гирию, и потому предпочитаешь уклониться, а не рисковать. За долю секунды ты оцениваешь возможности своего организма и выносишь единственно верное в твоей ситуации решение. Так что отнекивайся – не отнекивайся, а элементарную физику ты, парень, знаешь неплохо.

– Ух ты! – восхитился Луис. Всегда приятно, когда в тебе вдруг обнаруживаются какие-нибудь достоинства. – Я уже люблю эту науку – физику! А что еще из физики я знаю, о чем не подозреваю?

– Много о чем, – ответил Учитель. – Ты пользуешься её законами не задумываясь: ходишь по узким доскам, расставляя руки в стороны, поднимаешь тяжелую кирку, берясь за черенок так, как тебе удобней, носишь тяжелые мешки не в руках, а на спине, и так далее. А сейчас я постараюсь объяснить, как использовать законы физики в драке. Причем использовать их ты должен научиться столь же произвольно, как только что уклонился от гири: стремительно и без раздумий. То, что ты смелый и отчаянный парень, знают все. Когда к твоему бесстрашию добавится грамотный подход к поединку... Я боюсь представить, что получится. Итак, начнем.

Лоренцо подошел к сооруженной юношей из табуретов и бочки конструкции.

– Это можно считать элементарной физической моделью человека, – пояснил Учитель. – Тяжелое туловище размещается на двух опорах-ногах. Сказать по правде, не самое удачное создание Всевышнего с точки зрения боеспособности. Но, как говорится, не нам судить о его божественной воле – что есть, то есть, другого не дано. Думаю, не стоит напоминать тебе, что идеалом победы во все века считалось то, когда враг повержен и лежит на земле. Вот перед тобой противник. Как бы ты уронил его на землю? Продемонстрируй.

Луис подошел к бочке и, недолго думая, выбил из-под нее один из табуретов. Бочка повалилась на землю, однако ученик не стал дожидаться, пока она упадет сама, и подтолкнул ее для скорости рукой.

– А ты быстро схватываешь! – одобрительно закивал Лоренцо. – Не стал снимать ее с табуретов или упрямо толкать назад, а поступил предельно рационально. Ты вникаешь в принципы, а они куда важнее техники.

– «Человеку, который овладел техникой и постиг принцип, нет равных», – процитировал юноша мудрого предка по имени Такуан Сохо. Сейчас он радовался не только похвале, но и тому, что сделал правильный выбор, подавшись в ученики к Лоренцо. Две дороги для постижения древних истин, что находились перед Луисом, пролегали гораздо ближе друг к другу, чем казалось в начале.

– Ну хорошо, отныне можешь считать, что в победе над бочками равных тебе уже нет, – усмехнулся Гонелли. – Урок усвоен, переходим ко второму. А теперь иди сюда и попробуй проделать со мной то же самое, что проделал с бочкой...

Вот с такой незамысловатой лекции и начались их каждодневные тренировки. Мало-помалу, шаг за шагом, Луис постигал довольно непростую науку рационального и быстрого ведения боя; боя, в котором разрешалось все, лишь бы противник как можно скорее очутился на земле в недееспособном состоянии. Юноша научился наносить короткие, без замаха, удары руками и низкие стремительные удары ногами, весьма отдаленно напоминавшие технику боя предков. По науке Лоренцо, ноги вообще не должны задираться бойцом выше пояса – именно на низком уровне удары ногами оказывались наиболее скоростными и сокрушительными, а атакующий ими сохранял хорошую устойчивость.

Неотрывно от процесса обучения, Лоренцо просвещал ученика в «практической физике боя», открывая ему другие законы природы, в принципе известные Луису с рождения, но суть коих доходила до него лишь теперь. Юноша познакомился с такими понятиями, как инерция, точка опоры, правила рычага, столкновение разнонаправленных сил и рациональное приложение их, центр тяжести и многое-многое другое...

– Обрати-ка внимание, – сказал как-то Лоренцо, листая книгу Луиса, которую ученик для сравнения методик таскал на тренировки постоянно. – Твои предки часто упоминают некую точку «тандэн», что расположена на три пальца ниже пупка. Вот здесь о ней говорится как о точке сосредоточения внутренней энергии, а здесь на ней требуется фиксировать ум во время медитаций. Между тем я абсолютно точно знаю, что центр тяжести любого человека расположен в районе таза, и от контроля за его перемещением напрямую зависит устойчивость бойца. Если убрать всю поэтическую мишуру из этого трактата, получается, что мы с твоими предками сходимся во мнении: постоянный контроль над этой точкой предельно важен.

– Контроль над устойчивостью – это понятно, – кивнул Луис. – Но я занимаюсь уже два месяца и до сих пор даже примерно не представляю, что скрывается под понятием «внутренняя энергия ци». Поначалу я думал о ней как о физической силе, но вот здесь, – юноша ткнул пальцем в книгу, – говорится, что сила и внутренняя энергия – разные понятия. Причем второе из них гораздо важнее.

– Действительно, трудная на первый взгляд загадка, – ответил Учитель. – Мне тоже все время не давала покоя эта загадочная «ци». Неужели, думал я, твои предки обладали какими-то утраченными современным человеком качествами. Однако после некоторых размышлений я повнимательнее прочел главу, где говорится, что при помощи внутренней энергии можно достичь того, чего нельзя добиться обычной силой. По-моему, я раскрыл секрет этой проклятой «ци»!

– Прошу тебя: не томи, рассказывай! – умоляюще посмотрел на Учителя ученик. Будучи уже хорошо знакомым с Лоренцо, он знал, что тот никогда не будет бахвалиться понапрасну.

– Да ты бы и сам со временем догадался, – ответил Гонелли. – Здесь снова все упирается в нашу физику; ну куда от нее, родимой, не деться!.. Ладно, приготовься: сейчас я не только раскрою для тебя этот секрет, но и пробужу в тебе «ци». Видишь вон тот валун? Подними его!

Валун выглядел внушительно. Когда во время раскопок требовалось передвинуть подобные камни, Луис всегда предварительно раскалывал их киркой.

– Да ты что! – подивился ученик, после чего решил блеснуть недавно приобретенными знаниями. – Не проще ли будет воспользоваться рычагом?

– В данном случае нет, – отверг его идею Учитель. – Забудь пока о рациональном подходе и делай, что говорят.

Луис тяжело вздохнул, ухватился за валун и, надсадно пыхтя, принялся толкать его туда-сюда, не в состоянии оторвать от земли.

– Нет, гиблое дело, – выдохшись, юноша прекратил свои бесплотные попытки и отпустил валун. – Не по моим плечам камешек. Не хочет просыпаться моя «ци».

– Так ты же ее пока не будил, – рассмеялся Лоренцо. – Ладно, возмись за камень еще раз... Взялся? Ноги пошире! Зад пониже! Спина прямая!.. Еще прямее!.. Отлично. А теперь попробуй не просто оторвать камень, а оторвать как можно быстрее. Вообрази, что тебе нужно положить его в телегу, а телега быстро отъезжает, и, промедлив, ты опоздаешь. Или представь, что камень придавил тебе ногу – так даже вернее... Действуй!

Луис сосредоточился, постарался отчетливо вообразить то, о чем просил его Учитель, и рванул валун что было сил. В глазах юноши помутилось, жилы на руках затрещали, спина заныла, а ноги задрожали, однако валун от земли отделился. Поднять его на грудь Луис, конечно же, не поднял, но до уровня колен дотащил, после чего силы ученика иссякли, и он упал на землю вместе с валуном.

– Ты видел?! – ликовал Луис, лежа на земле и с трудом переводя дыхание. Перед глазами его мерцали багровые круги, а конечности сводила судорога. – Я его поднял! Захотел – и поднял! Немыслимо! Ты и впрямь раскрыл тайну моих предков! Я просто прозрел!

– Запомни это ощущение, – посоветовал Лоренцо. – Когда будешь в следующий раз лупить кулаками по мешку, постарайся вкладывать это ощущение в каждый удар. Однако будь осторожен, сразу же привыкай дозировать подобные нагрузки, а то, не ровен час, руки себе переломаешь. Злоупотребление предельной мощностью вредно для здоровья: помимо травм, можно элементарно надорвать себе пупок.

– Ты хотел сказать «злоупотребление внутренней энергией ци»? – переспросил «прозревший».

– Мощность и есть твоя «ци», – ответил Учитель. – Никакой мистики – сплошная физика! Сила вкупе со скоростью! Сильный удар хорош, но сильный и быстрый удар хорош вдвойне! Кстати, рекомендую тебе хотя бы пару раз в неделю практиковать поднятие тяжестей. Лично я подобного занятия терпеть не могу – я и так от природы крепкий, к тому же чрезвычайно ленивый, – но для тебя оно лишним не будет...

Тренировки Луиса вошли в стадию повышенной интенсивности. Действительно, через пару месяцев поднятия тяжелых камней удар у низкорослого паренька стал таким, что от него стал шарахаться даже Учитель. Мешки с песком рвались и заменялись юношей на новые почти каждую неделю. После такого прогресса ученика удары Гонелли в учебных поединках уже перестали быть щадящими. Теперь они наносились Учителем как в реальной схватке, соответственно, Луис принялся больше уделять внимания защите, изучению которой раньше не придавал особого значения.

Через полгода Луиса стало просто не узнать. И пусть в росте он прибавил слабо, но зато раздался в плечах, добавил в весе и вообще уже ничем не напоминал тонкокостного юношу, а являл собой крепко сложенного мужчину. И потому, когда однажды вечером старшина пригласил его с собой в трактир (чего до сего момента не делал еще ни разу), Луис счел это за знак признания его взрослости.

Но здесь ему было суждено жестоко ошибиться.

Едва они уселись за столик, как Лоренцо протянул Луису сложенный вчетверо листок бумаги и попросил передать его одному из посетителей трактира, сидевшему к ним спиной в противоположном углу. Луис без задней мысли взял листок и пошел выполнять поручение.

Записка предназначалась угрюмому амбалу с кулаками, размером едва не превышавшими пивные кружки. Громила быстро прочитал послание, после чего лицо его вытянулось, и он, поднявшись из-за стола, грозно навис над Морильо.

– Много видел в своей жизни придурков, – прорычал гигант, – но таких, как ты, еще никогда!

И нанес Луису сокрушительный удар в лицо...

Что было написано в записке, Морильо узнал часом позже. Содержала она всего два слова, но именно они и подействовали на громилу словно укол бандерильи на быка.

«Ты кретин!» – говорилось в написанной рукой Учителя записке...

Ожидая Луис удара, он бы без труда уклонился – гигант был хоть и свирепым, но медлительным. Однако столь неожиданный исход вполне безобидного поручения был для Морильо непредсказуем. Повалив спиной пару столов и с полдюжины стульев, он пролетел через весь трактир и остановился лишь возле стойки. Но едва он пришел в себя, как его ожидал следующий сюрприз: Луис с изумлением заметил, как Лоренцо – его лучший друг и Учитель! – спешно ретируется из трактира.

Посетители заведения, чьи столики с выпивкой были ненароком повалены сбитым с ног Луисом, почему-то не стали обвинять в этой неприятности обладателя пудовых кулаков. Не сговариваясь, обиженные завсегдатаи ополчились на того, кто выступал лишь в роли несчастной жертвы обстоятельств. Не успел Луис подскочить с пола, как на него со всех сторон накинута разъяренная пьяная орава. Деваться было некуда, и Морильо принялся бешено молотить кулаками и ногами направо и налево. Надо заметить, что полгода изматывающих тренировок не прошли для него даром. Прежде чем громил ударили его по спине стулом и вышвырнул за шиворот на улицу, Луису удалось щедро накостылять нескольким особо рьяным обидчикам.

Отплеываясь кровью, Луис с трудом пытался встать на ноги из уличной грязи, когда из ближайшей подворотни выглянул Лоренцо. Подло усмехаясь в усы, он подхватил ученика под мышки и поволок в общину.

Учитель пропустил мимо ушей мнение разгоряченного ученика относительно новой методики преподавания, выдал ему со склада бутылку спирта на компрессы и, дав пострадавшему два дня на поправку, порекомендовал тому во время лечения произвести трезвую самооценку своего поведения в реальной боевой ситуации.

– Знаний хоть отбавляй, практики недостаточно, – подвел Луис результаты «экзаменов», когда, хромя, приплелся на очередную тренировку.

– Очень здравое рассуждение, – согласился Лоренцо. – Но для первого раза неплохо. Я тут прослышал, что ты в трактире умудрился свернуть нос самому Пабло-Шакалу, а он довольно известный в округе забияка. Думаю, Пабло не отказался бы от реванша. Могу устроить вам неофициальную встречу, если, конечно, не трусишь...

Чувствовать себя трусом в глазах Учителя ученик не желал и с жаждущим мести Шакалом встретился. После той встречи к сломанному носу у Пабло добавилось выбитое колено и сломанная в двух местах челюсть.

Слава о дерзком молодом искателе покатила по барселонским трактирам. На Луиса ополчились многие из тех, кто считал себя «королем улиц». Вместе со своими подручными они начали подкарауливать Морильо где придется. Когда Луису не доводилось выходить из этих стычек победителем, он всегда вылавливал обидчиков поодиночке и возвращал им все сторицей – давала о себе знать непомерно развившаяся в жестоких приютских условиях мстительность.

Луису стали угрожать убийством. Волей-неволей ему пришлось браться за изучение тех страниц книги, где описывались методы ведения боя с оружием. По образцам предков, Луис выточил себе из высокопрочной стали в ремесленной мастерской пару мечей – длинный и короткий. Длинный меч вкупе с приобретенным у байкеров арбалетом Морильо держал в своей маленькой хижине, которой к тому времени обзавелся, а короткий всегда носил с собой под одеждой.

Обучать Луиса драться с оружием Лоренцо взялся с неохотой, поскольку не любил это грязное, по его мнению, занятие, да и вообще не являлся фехтовальщиком, хотя техникой боя ножом владел.

– Не стоит каждый раз хвататься за меч, когда на тебя кидаются всякие вооруженные чем попало придурки, – прежде чем начать обучение, порекомендовал ученику Гонелли. – Если ты прикончишь кого-то этой штукой, гарантированно угодишь в тюрьму, поэтому используй меч лишь в крайнем случае. Под рукой всегда полно хлама, который с лихвой заменит тебе меч и даже арбалет: тарелки, вилки, ложки, бутылки, палки... Удары ребром тарелки по горлу или в висок не менее опасны, чем удары ножом, завернутая в полотенце кружка разит не хуже дубинки, а простой толчок головы противника о стену вообще не требует обучения. Подручные предметы – оружие защиты, а по закону ты имеешь право убивать, лишь защищаясь. Да и то если твоя невиновность будет доказана.

«Всякому оружию – свое время и место», – вторил старшине со страниц книги великий предок Луиса, мастер меча Миямото Мусаси. Такое единодушие живого и давно умершего наставников снова доказывало юноше истинность выбранного им пути.

Советы Учителя оказались очень ценными и пригождались ученику практически везде, где приходилось драться в одиночку против нескольких врагов. В конце концов от «долбанутого узкоглазого» отстали, а многие бывшие враги стремились затесаться к нему в друзья, тем самым признавая авторитет так убедительно заявившего о себе дерзкого искателя. Имя Луиса стало произноситься с не меньшим почтением, чем имя его наставника Лоренцо, а сам юноша вскоре был переведен из искателя-землекопа в общинную службу охраны. Это явилось для него настоящим подарком, поскольку теперь заниматься своими тренировками он мог прямо на работе...

Через три года после того, как Лоренцо впервые объяснил ему азы «практической физики» на примере мордобоя, Морильо был записан старшиной Барселонской Особой на участие в ежегодных искательских турнирах.

– Лучшей школы я тебе не придумаю, – заявил при этом Гонелли. – На турнир съедутся величайшие бойцы; такие звери в Барселоне тебе еще не попадались.

– Это просто здорово, только вот... – немного смутился Луис, – боюсь, в «пивной гонке» я не выстою.

– О «пивной гонке» не переживай, – утешил его старшина. – О ней позабочусь я. Надо же мне в кои-то веки от мордобоя отдохнуть и просто расслабиться.

Турниры проходили неподалеку от Мадрида, в маленьком городишке Гвадалахара. Пока добирались туда на общинном дилижансе вместе с группой поддержки – освобожденными на время турнира от работы и в связи с этим не просыхающими от пьянства собратьями по общине, – Лоренцо порекомендовал Луису придумать себе какой-нибудь звучный псевдоним для участия в поединках.

– Видишь ли, в чем дело, – пояснил он. – Против тебя выйдут такие крутые ребята, как Кулак Смерти, Людоед, Громовержец, Молот-Убийца, Чугунный Лоб... На фоне их турнирных имен Луис Морильо звучит чересчур скромно, не находишь?

Луис наморщил лоб, потом встрепенулся и извлек из походной сумки захваченную им на турнир книгу по боевым искусствам.

– Представь меня как Сото Хатамото! – с гордостью изрек Луис и указал на фамилию одного из авторов своей второй любимой книги. – Наверное, среди моих предков сеньор Хатамото был одним из лучших бойцов. Назвавшись в его честь, я во что бы то ни стало постараюсь не опозорить это великое имя!

– Э-э-э, видишь ли... – замялся Лоренцо. – Как бы тебе это объяснить, чтобы не обидеть... Хм... Не спорю, «Сото Хатамото» безусловно великое имя. Только боюсь, что о его величии такие парни, как Чугунный Лоб и Кулак Смерти, попросту не знают.

– Значит, после турнира они будут знать о нем превосходно! – с вызовом заявил Морильо.

– И все же я бы посоветовал тебе придумать для первого раза что-то более запоминающееся. «Костолом», например.

Но Луис упрямо продолжал настаивать на своем...

По прибытии в Гвадалахару они все-таки сумели прийти к компромиссу, сойдясь на устроившем обоих псевдониме «Сото-Ураган»...

Кулак Смерти и прочие одиозные персонажи ежегодных искательских турниров оказались вполне достойны своих турнирных имен. Лишь двое или трое бойцов имели комплекцию, сопоставимую с комплекцией Луиса; остальные представляли собой подобие того гиганта из трактира, на котором Учитель некогда устроил своему ученику экзамен: кряжистые громады, закаленные годами тяжелого физического труда и сотнями уличных потасовок. Их ломанные-переломанные носы и уши, уродливые шрамы, жуткие татуировки и свирепые взоры бросали противника в дрожь еще до начала поединка. Ясное дело, что появление в их рядах юного и дерзкого сарагосца по имени Сото-Ураган было воспринято ими с презрительным скепсисом.

Однако уже первые схватки дали понять, что Сото-Урагана нельзя недооценивать. Проигрывая в весе и силе, Луис брал яростным напором и гибкостью. Физическая форма Морильо на порядок превосходила форму его противников, проводивших свободное время в трактирах и прочих увеселительных заведениях, а посему в большинстве своем, несмотря на неоспоримую силу, страдающих одышкой закоренелых пьяниц.

Луис превосходно осознавал, что для выбывания из турнира ему необходимо пропустить только один точный удар массивного оппонента. Бои Сото-Урагана были сродни раскопкам складов с боеприпасами, где первая допущенная искателем ошибка тут же становилась последней. Именно по этой причине свои первые поединки Луис начинал крайне осторожно, проводил предварительную разведку и стремился атаковать с дальней дистанции. Однако привыкнув к новым условиям и войдя в турнирный темп боя, он вывел для себя общую линию поведения всех противников: обладая убийственным ударом, те не очень-то задумывались о разнообразии тактик; мчались напропалую и старались в кратчайший срок выяснить, чей же лоб крепче. Само собой, грузные бойцы избегали выматывать себя долгой битвой.

Зато шустрый Луис, воистину по сравнению с остальными участниками турнира – Ураган! – неплохо на этом выигрывал. Он гонял своих противников по площадке до тех пор, пока те не выматывались и едва не падали с ног от усталости. После чего молодому искателю требовалось лишь уличить выгодный момент и провести короткую завершающую контратаку.

Схватки Луиса походили на бои со свирепыми быками и вскоре подтянули к себе почти всех зрителей турнира. У Сото-Урагана даже появились болельщики из других общин: еще бы, когда какой-то выскочка-новичок эффектно расправляется с опытными бойцами, это невольно вызывает уважение. Морильо нравилось признание публики, однако он ни на минуту не забывал, что за ним зорко следят секунданты других вероятных финалистов и делают соответствующие выводы.

Три победителя первого этапа турнира определялись по количеству одержанных побед. Луис, проигравший лишь два боя из десяти (нарвался-таки на парочку касательных ударов),

вошел в число финалистов. Схватки самых стойких должны были состояться на следующий день.

– Молодец! – похвалил вечером ученика Лоренцо, накладывая ему на ушибы компрессы. – Но завтра твоя тактика уже не пройдет. Все неуклюжие тюфяки ушли сегодня в обоз, остались одни звери: Чугунный Лоб и Бенни-Плетка. Этих ты своей резвостью не возьмешь – они сами кого хочешь до смерти измотают. Подрался я в свое время против обоих: Чугунного, случилось, бил, но Плетку – ни разу. Тот еще фрукт.

– Чем же он так страшен? – поинтересовался Луис.

– Есть у него коронный прием – хлестать пальцами по глазам, за что его, собственно говоря, Плеткой и прозвали. Коварная штукавина, этот прием. Слепнешь на несколько секунд, а Плетка в это время тебя как щенка охаживает. Были случаи, когда он и вовсе глаза противникам выбивал.

– Спасибо, учту, – кивнул Сото-Ураган. – Я тут уже задумывался о смене тактики. Попробую-ка вот что...

Один из трех финалистов обязан был драться с двумя другими по очереди и до первого поражения. Тот, кто одерживал две победы подряд, и считался победителем турнира. Бывало, что бои по этим оригинальным правилам затягивались надолго, поскольку выдохшийся победитель первого поединка проигрывал из-за усталости следующий бой, а выигравший его в свою очередь капитулировал перед предыдущим отдохнувшим побежденным. Но в этот год финал турнира по рукопашным боям продлился от силы четверть часа.

Первыми, согласно жребию, бились Чугунный Лоб и Бенни-Плетка. Оба поджарые, ловкие и опытные, они практически не уступали друг другу в силе. Луис даже невольно залюбовался их поначалу красивой схваткой. Возможно, как раз такие поединки предки Луиса считали подлинным боевым искусством. Каждый вражеский удар бойцы встречали быстрыми уклонами или отбивали в сторону, а атаки друг на друга противники чередовали прямо-таки с джентльменской вежливостью. Однако вежливость эта довольно скоро у обоих иссякла.

То, о чем предупреждал ученика Лоренцо, случилось столь стремительно и неожиданно, что Луис даже не заметил, каким образом Чугунный Лоб удосужился нарваться на коронный прием Плетки. Просто вдруг ни с того ни с сего он схватился за глаза и отпрянул, после чего стал суматошно наносить удары во все стороны. По неуверенным и испуганным движениям Чугунного Лба было видно, что он явно дезориентирован и в упор не видит противника.

Бенни-Плетка нырком ушел вбок и через мгновение очутился у Чугунного Лба за спиной. Несколько быстрых ударов по почкам, в затылок и по ногам, затем подсечка, и вот Чугунный Лоб уже без движения лежит на земле. Судьи немедленно останавливают бой...

Секунданты Чугунного Лба разочарованно помотали головами и уволокли его с арены, давая понять, что в нынешнем году этот великий боец свое выступление на турнире завершил. В сложившейся ситуации вступало в действие правило, согласно которому «оставшиеся финалисты обязаны вести бой до тех пор, пока один из них не окажется полностью небоеспособен»; читай: не покинет арену тем же способом, что и Чугунный Лоб.

Несмотря на молодость, Луис Морильо уже успел набраться опыта на зубодробительном поприще, и выход молодого искателя в финал турнира был тому ярчайшим доказательством. Но для равноправного поединка с таким матерым бойцом, как Бенни-Плетка, Сото-Урагану требовалось победить еще не в одном и не в двух турнирах. Даже самый неискушенный болельщик видел, что мастерство Сото и мастерство Плетки разнятся настолько, насколько задирское тявканье молодого волка отличается от свирепого рыка матерого вожака стаи. Бенни-Плетка мог при желании побить Сото-Урагана и без применения своего коронного удара – прочий арсенал приемов Плетки был не менее грозен.

Но несмотря на практически предрешенный финал, Луис Морильо вышел на бой в невозмутимом состоянии рассудка, ибо для воплощения в жизнь его новой стратегии требовалась

прежде всего повышенная сосредоточенность и только потом все остальные боевые качества. Сото-Ураган отпустил вежливый поклон презрительно ухмыляющемуся Плетке и замер в ожидании команды секунданта...

...Когда-то, в очень давние времена, жил среди предков Луиса воин-самурай по имени Ходзе. Он ничем не выделялся из себе подобных; не трус и не герой – обычный солдат, каких под знаменами японских князей – дайме – служило в те годы тысячи. И вот однажды случилось так, что отец Ходзе был убит другим самураем, но не рядовым, а весьма искушенным во владении мечом мастером фехтования. Понятно, что все вопросы задетой чести гордые предки Луиса решали только одним способом – посредством поединка. И потому момент, когда Ходзе и его враг обязаны были скрестить мечи, неотвратимо приближался.

Обуянный жаждой мщения, Ходзе являлся, однако, здравомыслящим человеком. Он осознавал, что не выстоит против обидчика в открытой схватке, а погибнуть не отомстив, или того хуже – убивать обидчика из-за угла, – ему препятствовал воинский кодекс чести Бусидо. Единственным выходом для Ходзе было выйти на поединок и успеть убить противника до того, как тот обнажит свой меч. Путем упорных тренировок Ходзе добился нужной быстроты и, столкнувшись с врагом, зарубил того одним-единственным молниеносным ударом. Впоследствии специфическая тактика владения мечом переродилась в целое искусство и обросла массой традиций, что, впрочем, для воинственных предков Луиса было вполне закономерно...

Морильо прочел эту занимательную историю в своей книге давно, но только вчера осознал ее подлинную ценность. На вникание в принцип незнакомого стиля боевых искусств у него ушла лишь короткая летняя ночь, и вот через мгновение обязан был наступить момент истины: удалось это Луису или нет...

Секундант поднял руку, и над ареной разнеслась его громкая команда к началу схватки. Бенни-Плетка все еще продолжал презрительно ухмыляться, а Сото-Ураган уже сорвался с места и неся к нему быстрее арбалетной стрелы. Быстрее Сото двигался только его выброшенный вперед кулак.

Ухмылка так и не сошла с лица Плетки, когда он, оглушенный невероятно резким ударом в лицо, рухнул навзничь и застыл без движения. Секундант, который еще не успел набрать в грудь воздуха после выкрикивания команды, глядел на эту сцену выпученными жабыми глазами...

Бенни-Плетку привели в чувство лишь через час, и он, очнувшись, первым делом поинтересовался, что с ним случилось. Когда же ветерану турниров объяснили суть произошедшего, он попросту не поверил: люди не солнечные зайчики и не могут прыгать – а тем более драться – с такой быстротой...

Правила нарушены не были, и Сото-Урагана признали чемпионом турнира и лучшим кулачным бойцом среди искателей в текущем году. Лоренцо, от которого за километр несло вяленой рыбой (Учитель уже хорошенько разогрелся перед предстоящей ему «пивной гонкой»), ликовал больше всех, а так и не протрезвевшие за весь турнир члены их общины долго качали Морильо на руках и горланили в его честь хвалебные песни. Сам Луис больше всего на свете хотел сейчас завалиться спать, поскольку давала о себе знать усталость после вчерашних боев вкупе с ночной тренировкой на мешке с песком...

– Не называй меня больше Луисом, – потребовал Сото-Ураган у Лоренцо во время обратного пути в Барселону. – Я не желаю больше носить это чужое имя. И остальным скажи, чтобы не называли.

– Вот те раз! – Изумленный Лоренцо едва не выпал из дилижанса. – Да, приятель, похоже, капитально тебе в Гвадалахаре мозги стрясли! И как же теперь прикажете вашу святость величать?

– Называй меня Сото, – устало проговорил ученик. – Просто Сото. Не слишком тяжело запомнить.

– Ладно, как пожелаешь... Сото. Мне, в общем-то, без разницы – твое право, – пожал плечами Лоренцо и еле слышно добавил: – Кажется, и впрямь крепко парню досталось... Ну ничего, через недельку оклемается. С кем не бывает...

– Вызывали, ваша честь? – осведомился Карлос, представ пред очами магистра Жерара. Матадор сразу заметил, что очи эти были сегодня чересчур суровы. О причинах плохого настроения Божественного Судьи-Экзекутора Карлос не догадывался – дела шли отлично, все подозреваемые в заговоре с целью убийства казначея были схвачены, и дознание завершилось еще вчера.

– Вызывал, брат Карлос. – Недружелюбный тон Жерара соответствовал его колючему взгляду. Сесть Матадору он тоже не предложил, из чего следовало, что суровость магистра вызвана не хандрой или чрезмерно жаркой погодой. Гонсалес волей-неволей насторожился, и от блаженного умиротворения, в котором он пребывал с самого утра, не осталось и следа.

Жерар словно нарочно испытывал терпение Карлоса: молчал, кряхтел и сосредоточенно перекладывал на столе бумаги.

– Какие-нибудь неприятности, ваша честь? – принимая уставную стойку, поинтересовался Охотник, недовольный тем, что ответы из Жерара приходилось вытягивать словно клещами – любимым дознавательным инструментом магистра.

– А вы как думаете?

Матадор начинал медленно закипать: он ненавидел подобные игры в молчанку. Если командир Пятого отряда в чем-то виноват – будь добр, объясни причину и не устраивай тут демонстрацию своих обид, словно жеманная сеньорита! Гонсалес заскрипел зубами, но в лице не изменился: дескать, хотите лицезреть мое волнение, ваша честь? Не дождетесь!

Видимо, Жерар тоже понял, что у него недостаточно авторитета, дабы подавить Матадора психологически, поскольку вскоре прекратил кряхтеть и оставил бумаги в покое. Магистр вальяжно откинулся в кресле и, совершив протяжный мрачный выдох, скрестил пальцы на животе.

– Даже не знаю, брат Карлос, как и назвать ту ситуацию, в которой все мы очутились благодаря вашим скоропалительным выводам, – изрек он с подчеркнутым сожалением. – Я доверился вашим советам, но это привело к тому, что я предстал перед местными коллегами, мягко говоря, в неблагоприятном свете. Вы заставили меня идти ошибочным путем...

Гонсалес молчал, ожидая объяснений непонятно откуда взявшимся в его адрес обвинениям. Не далее как вчера магистр Жерар довольно потирал руки и рассказывал ему, как двое главных подозреваемых из охраны казначея, на которых указал ему Матадор, после первого же дознания с пристрастием подтвердили: да, это именно они вступили в сговор с демоном Ветра, ради чего и принесли ему в жертву бедного сеньора ди Гарсиа. Остальные подвергнутые дознанию подозреваемые, в том числе и лишенный протекции Защитников Веры Рохас, идущие по делу свидетелями, все как один клялись, что вышеназванные прислужники демона давно вели себя странно, но, очевидно, некое парализовавшее волю свидетелей демоническое колдовство препятствовало тем донести на демонопоклонников Ордену Инквизиции. И пусть показания свидетелей зачастую противоречили друг другу, вместе с признанием подозреваемых их было более чем достаточно для подведения дела к финалу: демонопоклонников ожидало Очищение Огнем, а свидетелей, уже прошедших профилактическое Очищение Троном Еретики за недоносительство, магистру предстояло наставить на путь Истины душеспасительной беседой.

Результаты дознания были не совсем те, на которые рассчитывал Карлос, однако Жерар ими вполне удовлетворился и не стал перепроверять версию о заказном убийстве. К тому же ни имени посредника, ни тем паче заказчика, демонопоклонники не открыли, хотя любая правда в Комнате Правды инквизиторов неминуемо всплывала на поверхность, словно дохлая рыба.

Следовательно, подозреваемые и впрямь прикончили ди Гарсиа по собственной инициативе либо были так сильно запуганы заказчиком, что терпели даже пытки.

Последнее было маловероятно, и потому Гонсалес не стал больше забивать себе голову загадками этого дела. Он не первое десятилетие служил Корпусу и давно усвоил: Главный магистрат в Ватикане превыше всего интересуется покаяние грешника, а когда с покаянием все в порядке, то на «белые нитки», коими бывает сшито дело, командование уже не смотрит и о средствах «добычи» покаяния не спрашивает. Таковы правила войны с внутренними врагами государства – отступниками и еретиками. И если порой в этой войне случаются невинные жертвы, так что ж... Война есть война.

– Уж не хотите ли вы сказать, ваша честь, что демонопоклонники отреклись от своего покаяния? – недоверчиво спросил у магистра Карлос. Отречение от покаяния было явлением редчайшим, поскольку подразумевало для отрекшегося не долгожданное избавление от мучений – Очищение Огнем, а новые, еще более суровые пытки.

Вместо ответа Жерар взял со стола исписанный торопливым почерком лист бумаги и протянул его Матадору.

– Ознакомьтесь и выскажите ваше мнение по этому поводу, – распорядился магистр.

Карлос умудрился прочесть первую строку на листке, когда тот еще находился в пальцах Жерара: «Довожу до сведения почтенных магистров Ордена Инквизиции...» Так начинаются только доносы.

– Этот документ мне передал час назад Главный магистр епархии, – пояснил Жерар, пока Охотник шел к окну, дабы при свете лучше рассмотреть неразборчивый почерк доносчика. – Умолчу, что конкретно мне пришлось выслушать от него по поводу якобы заверченного нами дознания, но вы неглупый человек, сами догадаетесь...

«Довожу до сведения почтенных магистров Ордена Инквизиции, – говорилось в документе, – об имеющих место в сей богопослушной епархии фактах вопиющего беззакония и чернокнижничества. – «Ух ты, как сказанул: «вопиющих фактах»! – усмехнулся про себя Гонсалес. – Писал явно не ремесленник или крестьянин». – Как добропорядочный и богобоязненный гражданин Святой Европы, а также верный слуга Великого Пророка, вынужден сообщить, что мой отец Диего Мендоса ди Алмейдо, владелец ряда винодельческих предприятий и поставщик вина ко двору Его Наисвятейшества, является виновником гибели главного казначея Мадридской Епархии Марко Антонио ди Гарсиа, которого он убил при помощи своего слуги-чернокнижника. Я имею на этот счет убедительные доказательства, но предъявить их смогу лишь в том случае, если вышеуказанный чернокнижник будет схвачен. Как любящий сын я пекусь о спасении души моего погрязшего в тяжких грехах отца и умоляю Вас принять на этот счет самые экстренные меры. Заместитель главного инженера мадридского отделения Оружейной Академии Рамиро ди Алмейдо».

Карлос оторвался от документа и посмотрел на внимательно следящего за ним магистра.

– Этот соплик соображает, что делает?! – спросил Матадор не то Жерара, не то самого себя. В голосе Охотника слышался нескрываемый гнев. – Это же вечный позор на весь его род и благородную фамилию! Я сам уроженец Сарагосы и прекрасно знаю сеньора ди Алмейдо. Сеньор Диего – почтенный человек и никогда не свяжется с чернокнижниками. Ваша честь, я просто отказываюсь в это верить!

– Не горячитесь, брат Карлос, – одернул его Жерар. – Поверить вам в это как ни крути, а придется. Рамиро ди Алмейдо прекрасно понимает, что делает. Он лично принес Главному инквизитору епархии свой донос и, зная о последствиях, взял с него слово, что если дело дойдет до Очищения отца – а при обнаружении веских улик скорее всего так и случится, – проведено оно будет в закрытом порядке и в строжайшей тайне.

– Значит, вы намерены дать этому делу ход?

– Давайте сразу внесем ясность: хоть я и вправе влиять на местного Главного инквизитора, я тут ничего не решаю. Согласно пятой поправке к двадцатому пункту устава Ордена Инквизиции, возбуждение дела против влиятельного гражданина – прерогатива местного Божественного Судьи-Экзекутора. А мы с вами беремся за это дело по той причине, что оно напрямую касается нашего, как выяснилось, незаконченного расследования. Не будь нас здесь, дознание вел бы местный Главный инквизитор, но обстоятельства сложились так, что нам приходится совместно с ним заниматься грехами гражданина ди Алмейдо и его подручного чернокнижника. Сожалею, если вам это доставляет какие-то неудобства.

– Карамба!.. Виноват, ваша честь.

– Спокойнее, брат Карлос! Я бы на вашем месте радовался, что этот донос поступил именно сегодня, когда нам еще не поздно исправить собственные ошибки. Страшно подумать, что было бы, поступи этот донос после того, как мы сдали бы все отчеты о рейде в Ватикан. Меня, как и вас, не погладили бы по головке, если бы узнали, что настоящий виновник смерти Марко ди Гарсиа остался на свободе, а вместо него Очищение приняли какие-то рядовые демонопоклонники... И не смотрите на меня так: они собственноручно подписали признание своей вины и избежать Очищения им уже не суждено.

– Но, ваша честь!.. – Карлос все не мог успокоиться и возбужденно жестикулировал, даже не замечая, что сминает в руке официальный документ. – Насколько я помню двадцатый закон Ордена, одной санкции Сарагосского епископа на арест сеньора Диего будет явно недостаточно. Ведь он не просто влиятельный гражданин, он – поставщик двора Его Наисвятейшества. Кажется, в законе сказано, что даже Апостолы не вправе давать разрешение на арест граждан, состоящих на службе непосредственно у Пророка.

– Брат Карлос, будьте так любезны, верните мне документ!

– Прошу прощения, – буркнул Гонсалес, после чего положил на стол помятый лист и разгладил его ладонью.

– Благодарю вас... – Жерар спрятал донос в одну из своих папок. – Да, вы правильно все помните: без санкции Его Наисвятейшества в таком щепетильном деле мы и шагу ступить не можем. Но хоть Диего ди Алмейдо и поставщик двора, в Ватикане его знают плохо, а Главного магистра этой епархии Гаспара де Сесо – превосходно. А магистр Гаспар, как выяснил я случайно, какой-то дальний родственник жене погибшего казначея... Вы понимаете, брат Карлос, что теперь, когда нами, похоже, выявлен главный подозреваемый в смерти ди Гарсиа... Впрочем, вы же сами не так давно рассказывали мне о клановых традициях, что процветают в Мадридской епархии... Магистр Гаспар уже известил меня, что все завизированные Пророком бумаги придут с курьером в начале следующей недели. Делу дан ход, и нам с вами не остается ничего иного, как приступить к исполнению наших обязанностей.

Бессильный гнев Матадора утих, и он, отвернувшись к окну, принялся в раздумьях созерцать вечерний Мадрид. Судьба бывших Защитников Веры, которые завтра на рассвете подвергнутся Очищению Огнем, Карлоса не волновала. Кто знает, может, они и впрямь ни в чем не виноваты – на Троне Еретика сознаешься и не в таких злодеяниях, – но Корпус никогда не оправдывал тех, кто подписывался под признанием собственных грехов, пусть даже признанием, выбитым насильно и выдуманном до последнего слова.

Волновало Охотника другое. Уже в скором времени ему предстояло взглянуть в глаза человеку, который помнил Карлоса еще босоногим мальчишкой, сыном пастора деревеньки Санта-Хуана близ Сарагосы; человеку, которого предал (здесь Гонсалес предпочитал называть вещи своими именами) собственный сын, не имевший никакого морального права так поступать, в чем бы его отец ни провинился. Возможно, Карлосу придется даже ассистировать магистрам в проведении Очищения – разумеется, какова будет на то их воля. Неизвестно, как Гаспар, а Жерар, похоже, затаил на Карлоса обиду, поэтому отвертеться от грязной работы Охотнику теперь навряд ли удастся...

Сокрушаясь о предстоящем для него нелегком испытании, Матадор совершенно упустил из виду, что в доносе также упоминался некий чернокнижник, который якобы и убивал почтенного Марко ди Гарсиа. Но в тот вечер Гонсалес о чернокнижнике так и не вспомнил – мало ли Охотник выловил на своем веку мрази, уверенной в своей принадлежности к нечистой силе...

«Jugada³, – мрачно усмехнулся в мыслях Карлос. – Хотел, амиго, посетить родную Сарагосу? Сбылась твоя мечта. Что ж, другого случая, кажется, не предвидится...»

Всех гостей, посещающих асьенду дона ди Алмейдо, Сото Мара помнил наизусть, поскольку приезжали они не так уж часто. Сеньор старался не заводить себе новых друзей, предпочитал довольствоваться обществом старых и проверенных. Друзья дона являлись обычно по праздникам и привозили с собой семьи. Гости всегда пировали до утра, а бывало, что запала их веселья хватало и на два-три дня.

Не сказать, что дон ди Алмейдо был общительным человеком, но, когда двор его наполнялся гостями, радушие из хозяина лилось рекой. Дон водил друзей в тир, на конюшню и в парк, где они развлекались стрельбой, катались на лошадях или просто пили вино на природе. Дети с веселыми криками бегали по парковым аллеям, а молодые сеньоры и прекрасные сеньориты обворожительно улыбались, порой награждая лучезарными улыбками даже угрюмого Сото. Впрочем, старший тирадор предпочитал не попадаться гостям на глаза – ничего, кроме его странной внешности, тех, как правило, не интересовало.

Человека, подъехавшего к воротам асьенды сегодня, Сото Мара видел впервые. Человек прибыл на стареньком «Сант-Ровере» в гордом одиночестве; судя по внешности – типичный испанец средних лет с маленькой, аккуратно подстриженной бородкой. Однако, несмотря на скромную одежду незнакомца, его трудно было счесть представителем низших слоев общества: держался он с подчеркнутым достоинством, а взор его был пронзителен и надменен – такой, какой бывает у людей, облеченных властью. К тому же аристократическая осанка и поджарая фигура лишний раз подтверждали, что он отнюдь не тот, кем хочет казаться.

Прибыв по срочному вызову привратника, Сото долго рассматривал с оборонительной стены человека, стоящего у ворот, потом наконец догадался, кого тот ему напоминает: типичный тореро, какие по праздникам потешают толпу в любом мало-мальски уважающем себя городе Мадридской епархии. Правда, возраст незнакомца вносил в эту версию некоторые коррективы, и правильнее было бы заметить «бывший тореро» – отошедший на покой ветеран, больше не испытывающий судьбу в кровавых корридах.

Незнакомец в свою очередь пристально изучал наблюдавшего за ним Сото – так, будто пытался вспомнить, где он его раньше видел. Тирадор мог поручиться, что нигде. Попадись ему когда-либо ранее на пути данный незнакомец, Мара бы его запомнил: люди, подобные этому странному человеку с пронзительным взглядом, встречались ему редко.

– Он желает встретиться с сеньором, – доложил старшему тирадору привратник. – Говорит, прибыл из Мадрида. Письменного приглашения не имеет, но уверяет, что сеньор ему не откажет.

– Добрый день, сеньор! – поприветствовал со стены Сото незнакомца. Будь перед ним крестьянин или ремесленник, он без разговора отправил бы его восвояси – для них существовал специальный порядок посещений, – но спровадить этого посетителя Мара не рискнул. – Ваш визит не запланирован, и я обязан сначала доложить о вас сеньору ди Алмейдо.

– Я подожду, – ответил незнакомец.

– Как вас представить, сеньор?

³ Злая шутка.

– Скажите сеньору ди Алмейдо, что его желает видеть Карлос Гонсалес. Сеньор должен помнить моего покойного отца – пастора деревеньки Санта-Хуана. Сеньор в молодости часто приезжал к нам на охоту.

– Хорошо, сеньор...

Сото отыскал дону Диго сидящим в кресле на восточной террасе, откуда открывался живописный вид на Эбро.

– Гонсалес... Гонсалес... – Дон воздел глаза в небо, сосредоточенно припоминая. – Как же, не забыл доброго друга Роберто Гонсалеса, мир его праху. И сына его помню, но, правда, вот таким...

Сеньор показал рост маленького Карлоса, подняв руку чуть выше подлокотника кресла.

– Славный был человек падре Роберто, – вздохнул он. – Славные были времена. Вот однажды на Рождество Великого Пророка Витторио – не упомяну в каком году – собрались мы... Впрочем, о чем это я? Разумеется, Сото, я приму достопочтенного Карлоса Гонсалеса. Проводи его сюда и попроси дворецкого подать нам вина...

Следуя за обладающим жуткой наружностью телохранителем сеньора ди Алмейдо – «Откуда только дон выудил это привидение?» – Карлос волновался так, как не волновался, наверное, со дня своего боевого крещения, а случилось оно почти четверть века назад. На первый взгляд задача перед Гонсалесом лежала простая, однако выполнение ее требовало особой дипломатичности, что не шла ни в какое сравнение с обычной бесцеремонностью Охотников.

Диго ди Алмейдо нужно было доставить в Мадридский магистрат, и сделать это требовалось так, чтобы процедура доставки осталось втайне даже от слуг. Ни одна капля грязи не должна была упасть на репутацию остальных членов фамилии ди Алмейдо. Вдобавок, чтобы, не дай бог, не разгорелся скандал, дону следовало уговорить поехать добровольно. Карлос понятия не имел, какотреагирует дон на подобное, мягко говоря, «приглашение», поэтому не стал поручать столь деликатное задание подчиненным. Командир Пятого отряда Охотников явился к сеньору ди Алмейдо лично, ради чего Гонсалесу пришлось облачиться в гражданскую одежду.

Второй причиной повышенной конспирации была цель выявить скрывающегося в асьенде чернокнижника, под описание «уродливой внешности» которого пока что подпадал лишь старший тирадор местной охраны. Хотя глядя на него – типичного головореза, больше смахивающего на байкера, чем на наемного тирадора, – Карлос не подумал бы, что тот читает книги, тем более «черные».

Гонсалес подошел к перилам террасы, стараясь угодить в поле зрения сидящего в кресле Диго ди Алмейдо. Старший тирадор замер неподалеку, старательно делая вид, что обзоревает окрестности. Но Карлоса было не провести: он чуял, что этот угрюмый тип готов не задумываясь броситься на него в любую секунду.

Сеньор ди Алмейдо изменился. Из детства Карлос запомнил его пышущим здоровьем громогласным гигантом; сегодня же перед ним сидел, поседевший, располневший, обрюзгший старик, который, наверное, уже редко покидал свое кресло. В движениях его не было прежней энергии, а руки едва уловимо дрожали. Во взгляде дону Диго царил усталое равнодушие – дон не удивился даже человеку, которого не видел больше тридцати с лишним лет.

– Ты не похож на своего отца, – без обиняков заявил Диго ди Алмейдо Гонсалесу, вяло кивнув на его приветствие. – Видимо, весь в мать. Извини, но ее я помню плохо.

– Вы совершенно правы, сеньор, – подтвердил Карлос. – Мне уже не раз это говорили.

– Какая нужда привела тебя ко мне? Ты ведь наверняка пришел не ради того, чтобы повидаться с другом своего отца, не так ли? – А вот знаменитая прямолинейность дону с годами ничуть не изменилась. – Ищешь работу или хочешь попросить взаймы?

– Мы могли бы поговорить наедине, сеньор? – осведомился Матадор.

– Не бойся этого человека, Карлос. – Дон кивнул в сторону узкоглазого телохранителя. – У меня нет от него секретов. Да и с ним мне будет спокойнее – последнее время у меня столько врагов развелось.

Намек был более чем очевиден.

– Я не вооружен, сеньор, – признался Гонсалес. – Если это необходимо, ваш человек может меня обыскать. Но я настаиваю: вопрос, с которым я к вам пришел, нельзя обсуждать даже в присутствии самых надежных людей.

– А ты упрям, Карлос... Ну да Господь с тобой, будь по-твоему, – уступил дон ди Алмейдо и махнул рукой телохранителю, не спускавшего с посетителя злобных настороженных глаз. – Все в порядке, Сото. Оставь нас.

Узкоглазый телохранитель был явно не согласен с приказом хозяина, но повиновался с покорностью выдрессированного пса. Перед тем, как покинуть террасу, он одарил Карлоса недвусмысленным взглядом, который можно было истолковать как «запомни: если что-то случится, живым ты отсюда не уйдешь!»

Пока сеньор ди Алмейдо не выказал вслух закономерное любопытство, Гонсалес извлек из кармана служебное удостоверение и протянул его дону. Дон Диего с недоуменным выражением лица взял удостоверение, сначала посмотрел на три тисненых серебристых креста на обложке – отличительный знак командира отряда Охотников, – затем открыл документ и начал читать выполненные мелким шрифтом надписи, демонстрируя неплохое для пожилого человека зрение.

– Что все это значит? – спросил он дрогнувшим голосом. Державшая удостоверение неуверенная рука дона задрожала еще заметнее.

Глядя на видневшийся с террасы мутный Эбро, Карлос негромким голосом объяснил, зачем он прибыл и в чем подозревает дона ди Алмейдо Главный магистр епархии Гаспар де Сесо.

– Поверьте, я очень сожалею, сеньор. Надеюсь, что все это окажется досадным недоразумением, – нисколько не покривив душой, добавил Охотник в завершение.

Грузный дон зашевелился и с трудом поднялся из кресла, после чего, шатаясь, подошел к перилам террасы и встал рядом с Карлосом. Дыхание его было частым, а глаза остекленели, как у мертвеца.

– Ах, он сожалеет! – не проговорил, а скорее просипел дон полупшепотом. Карлос убедился, что не ошибся: Диего ди Алмейдо находился в здравом уме и, хоть состояние его было крайне возбужденным, скандал закатывать старик не собирался. – Мерзавцы! Да как вы смаете! Я кто, по-вашему, – грязный отступник или протестант?!

– Сеньор, прошу вас: не следует так переживать по этому поводу. Уверен, ваше беспокойство излишне, – попытался утешить его Карлос. Он тоже чувствовал себя прескверно, но, разумеется, не так скверно, как дон ди Алмейдо. – Проедемте со мной и спокойно во всем разберемся. Подумайте о возможных слухах, если кто-либо из слуг вдруг прознает, кто я такой и зачем сюда прибыл.

– А если я откажусь, – поинтересовался дон, – вы что же, потащите меня силой? Ведь асьенда небось давно вами окружена, так ведь?

Карлос предпочел воздержаться от ответа, хотя мог бы ответить на оба вопроса утвердительно – он подстраховался на все случаи жизни, в том числе и на крайний.

Дон облокотился на перила и замолчал. Лицо его побледнело, на лбу выступил пот, но выдержка у дона была такая, что Карлос невольно проникся к нему еще большим уважением. Диего ди Алмейдо являл собой немощного старика, но характер его за последние три десятка лет, как выяснилось, изменений не претерпел. Глядя на пожилого сеньора, Гонсалес мимоходом подумал, что не отмени Пророк в свое время дуэли, Диего ди Алмейдо сражался бы на них и сегодня. Кто знает, возможно именно запрет дуэлей послужил первопричиной постиг-

шей дон трагедии. Не имея сил мстить самостоятельно, он делает это посредством наемных убийц и черной магии.

Карлос терпеливо ждал. Прошло порядка четверти часа, прежде чем дон ди Алмейдо снова заговорил. Подавленное состояние его не улучшилось, но голос заметно окреп.

– Вы поступили очень благородно, Карлос, – произнес он еле слышно. – Вы не выманили меня из поместья ложным письмом и не стали публично заламывать мне руки. Вы не равнодушны к чести моей фамилии – это похвально. Скажу вам честно: я сроду не ожидал подобной учтивости от вашего брата. Будьте же и вы со мной честны: я чувствую, что больше никогда не вернусь в эти места... Не спорьте! Я не вернусь и потому хотел бы знать, кого следует за это благодарить. Ведь вы не явились бы сюда без веских свидетельств?

Быть полностью откровенным Карлосу не позволяли служебные инструкции, но даже не соблюдая он инструкций о неразглашении, вряд ли бы у него хватило мужества открыть дону ди Алмейдо правду о том, что его предал собственный сын. Есть в мире и такие мерзости, при виде которых теряют дар речи даже хладнокровные Охотники.

– Против вас имеется ряд заверенных свидетельских показаний, правдивость которых нам предстоит доказать либо опровергнуть. На ваш арест и дознание получена санкция свыше. – Это была вся информация, которую имел право сообщить подозреваемому Карлос.

– Спасибо и на том, – обреченно вымолвил дон. – Впрочем, я догадываюсь, чьих рук это дело, раз уж Его Наисвятейшество так быстро выдал вам санкцию. Без участия епископа Сарагосского здесь точно не обошлось – он был свидетелем нашей ссоры с Марко... Да, против таких свидетельских показаний защищаться нелегко... Что ж, следует понимать, Карлос, что без меня вы отсюда уже не уйдете... Ну, со слугами проблем нет – им я причины своего отсутствия объяснять не обязан, – а вот что я скажу секретарю и охране?..

– Прикажите им, чтобы оставались в асьенде до вашего возвращения и придерживались обычного в ваше отсутствие распорядка службы, – распорядился Гонсалес. – Объясните, что едете со мной в Мадрид к старому другу, у которого есть собственная охрана. Скажите это всем для вашего же блага.

Карлос не намеревался снимать наблюдательные посты от асьенды, где согласно доносу скрывался чернокнижник. Дабы не поднимать шумиху, Охотник планировал взять чернокнижника, как только он высунет нос за ворота. Матадор сомневался, что тот будет сидеть на месте в ожидании хозяина и не попытается разузнать в Сарагосе, куда увезли его благодетеля. Карлос лишь опасался, как бы чернокнижник не вздумал использовать для собственного передвижения помело, поскольку в таком случае его пришлось бы сбивать из скорострельной пушки.

– Плохая легенда. Боюсь, не поверят, и слухи все равно поползут, – горько усмехнулся Диего ди Алмейдо. – Но приказа они не ослушаются... Вы позволите мне только переодеться?

И дон демонстративно потрепал за лацканы свой потертый домашний халат.

– Конечно, сеньор...

За весь срок своей службы у сеньора ди Алмейдо Сото Мара еще никогда не оказывался в такой неопределенной ситуации. Относившийся к вопросам собственной безопасности крайне серьезно, сеньор никогда не пренебрегал рекомендациями старшего тирадора, и не было случая, чтобы дон покинул асьенду без надежной охраны. Но то, что произошло сегодня, выходило за рамки понимания Сото.

Беседа сеньора тет-а-тет с сыном старого друга закончилась примерно через сорок минут. Все это время Сото дежурил в ведущем на террасу коридоре, предварительно наказав тирадорам на стенах, с которых была видна восточная терраса, приглядывать издали за беседующими. Сам Мара готов был в любую секунду ринуться на зов сеньора, если этот Карлос Гонсалес рискнет-таки выкинуть какой-нибудь нехороший фокус. Сото надеялся, что так необдуманно прогнавший его с террасы сеньор успеет позвать на помощь.

Диего ди Алмейдо появился в коридоре вместе с гостем и сразу же направился к старшему тирадору. Сото немало удивился тому, что сеньор уже успел переодеться, сменив свой неизменный домашний халат на парадный сюртук, увешанный правительственными наградами, какими сеньора изредка награждали в честь больших праздников. Была среди наград и парочка памятных медалей Пророка – вино из лучших виноградников ди Алмейдо издавна ценилось Его Наисвятейшеством и Апостолами, которые понимали толк в данном вопросе. Обычно сеньор надевал парадный сюртук лишь по торжественным случаям, и что толкнуло его на это сегодня, Сото объяснить затруднялся. Гонсалес следовал за хозяином с бесстрастным лицом, будто бы он теперь являлся телохранителем дона Диего, а Сото Мара был только что снят с должности.

– Я уезжаю на несколько дней, – холодно произнес дон, глядя на Сото. Казалось, что сеньор разговаривал вовсе не с ним. – Охрана мне не нужна – у моего друга есть собственная. Вы остаетесь в асьенде и несете службу как обычно.

– Извините за нескромность, сеньор, но я все-таки настаиваю на том, чтобы поехать с вами, – постарался Сото воззвать к голосу разума дона ди Алмейдо, хотя и подозревал, что при таком подавленном состоянии сеньора «достучаться» до него будет нелегко. Что же такое произошло за закрытыми дверьми террасы, после чего дон Диего стал просто на себя не похож?

– Это приказ! – отрезал дон. Глаза его потухли, словно в тот день, когда скончалась сеньора. И вдруг в них зарделись робкие искорки, а затем дон ни с того ни с сего вымолвил: – А дабы не слонялись без дела, займитесь наконец решетками в спальне. Я давно говорил, что их пора переделать – окна совсем не открываются. И чтобы к моему приезду... – голос дона сорвался и зазвучал еле слышно, – все было готово...

Искорки в глазах Диего ди Алмейдо погасли, а взгляд снова остекленел.

– Как прикажете, сеньор, – с плохо скрываемым недовольством ответил Сото и посмотрел на Карлоса. Новый «друг» сеньора его телохранителю откровенно не нравился. То, что Гонсалес принес дурные вести, было очевидно. То, что он так легко убедил мнительного хозяина отказаться от охраны, настораживало и пугало. И то, как Карлос посматривал на Мара, нельзя было назвать простым любопытством гостя при виде экзотической внешности старшего тирадора; больше смахивало на «погоди, я до тебя доберусь!».

Но на приказ, каким бы спорным он ни казался, Сото возражать не посмел.

– Сеньор, скажите хотя бы, куда вы направляетесь! – с мольбой в глазах попросил Мара.

Ди Алмейдо зачем-то покосился на Карлоса, что также было воспринято Сото как плохой признак, и ответил:

– У меня появились неотложные дела в Мадриде. Как все улажу, так вернусь. Беспокоиться не о чем... А теперь мне пора. И не вздумайте опять забыть про решетки в спальне. Quedais con Dios!⁴

Сото проводил хозяина и Гонсалеса до ворот, вместе с остальными недоумевающими тирадорами проследил, как синьор уселся в «Сант-Ровер» Карлоса, и они уехали в направлении Сарагосы. За все это время дон не только не произнес ни слова, но даже мельком не взглянул ни на кого из тирадоров. Он лишь угрюмо смотрел перед собой да морщился, словно у него снова разыгралась его застарелая язва.

Сото подождал, пока «Сант-Ровер» тронется, затем подозвал одного из тирадоров, после чего велел ему взять в гараже легкий мотоцикл и, не привлекая внимания, следовать за автомобилем Карлоса до тех пор, пока тот не прибудет на место назначения. Далее следопыт обязан был вернуться и доложить, где именно в Мадриде остановился сеньор. Выпускать беглого хозяина из поля зрения Сото не собирался; для чего он вообще тогда занимал при нем должность старшего тирадора?

⁴ Оставайтесь с Богом!

Отослав соглядатая, озадаченный Мара незамедлительно отправился к бойцам, которые несли вахту на стене близ восточной террасы.

– Да ничего особенного не происходило, – доложили те. – Сеньор и гость просто стояли у перил и беседовали. Потом сеньор удалился в спальню и переоделся, а гость дожидался его на террасе. Затем они прошли в дом...

«Прошел в спальню и переоделся... – размышлял Сото, следуя по аллее обратно к дому. – Прошел в спальню... В спальню... Точно: спальня! Надо в ней решетки на окнах переделать... Однако странная просьба перед отъездом. Очень странная...»

Не далее как месяц назад старший тирадор устраивал тотальную проверку всех систем безопасности и лично осмотрел все решетки в доме. В том числе и в спальне. Ни одна из решеток не мешала открыванию окон, поскольку делал их лучший кузнец Сарагосы Геден Лурье после того, как собственноручно снял все замеры. Действительно, странная просьба. Такая же странная, как и срочный отъезд сеньора.

Обеспокоенный управляющий асьенды засыпал Мара расспросами – хозяин покинул резиденцию столь поспешно, что не оставил слугам никаких распоряжений. Сото поведал управляющему все, что знал (естественно, без посвящения того в свои подозрения), и сказал, что согласно распоряжению сеньора намерен осмотреть окна его спальни. Управляющий, разумеется, не возражал.

Спальня имела две двери: одна выходила в коридор, вторая – на террасу. Перед тем как войти в спальню, Сото исследовал место, где беседовали дон Диего и его гость, но, как и ожидал, ничего подозрительного не обнаружил. Разве что Гонсалес даже не прикоснулся к вину, однако это ни о чем не говорило.

Горничная прибрала в спальне еще утром; единственной деталью беспорядка являлся брошенный хозяином на кресло халат. Сото подошел к окну, но едва взялся за ручку рамы, чтобы удостовериться в ее неисправности, как тут же увидел лежащий на подоконнике сложенный лист бумаги. Мара никогда не интересовался чужими письмами, но на это нельзя было не обратить внимания: на нем крупными печатными буквами было написано имя старшего тирадора. Послание было предназначено Сото – безусловно! – и странное распоряжение донна о проверке решеток наверняка являлось лишь указанием на письмо.

Но к чему подобная конспирация в собственном доме?

Грудь Сото сдавило от нехорошего предчувствия. После появления в асьенде загадочного и зловещего Гонсалеса сеньора словно подменили. Кто знает, может быть, приключились неприятности у его сына: Рамиро похищен и за него требуют выкуп, а Карлос лишь посредник...

Все должно было прояснить это письмо.

Сото опасался, как бы в спальню некстати не заглянула горничная и не застала его читающим втихаря бумаги сеньора (не будешь же ей объяснять, что послание предназначено тебе!), поэтому сунул письмо за пазуху и спешно покинул дом. Больше здесь делать было нечего – решетки и рамы находились в полном порядке.

По пути ко флигелю Мара так и подмывало перейти на бег, но со всех сторон на него смотрели прислуга и тирадоры. Вести себя следовало естественно, дабы не породить лишние кривотолки, которые в связи с внезапным отъездом хозяина и без того уже поползли по асьенде.

Сото прикрыл дверь флигеля и сразу же выхватил из-за пазухи письмо, будто это была не бумага, а раскаленный лист жести.

Знаменитого, каллиграфически безупречного почерка сеньора в письме не наблюдалось. Бумагу испещряли торопливые каракули, в которых Мара разобрался с большим трудом.

«Мой верный слуга Сото! – говорилось в послании. В своих обычных письменных приказах дон никогда не обращался к старшему тирадору столь почтительно. – Прежде чем читать это, убедись, что поблизости никого нет, и храни все написанное здесь в тайне – так надо. Я

угодил в большую беду. Гонсалес – Охотник. Он пришел предъявить мне ордер на арест. Меня отправляют в Мадридский магистрат на проведение инквизиционного дознания. Похоже, кто-то из нашего епископата донес на меня, иначе эти крысы из Корпуса никогда не осмелились бы на такое. Помоги мне, Сото. Срочно отправляйся в Мадрид и встретись с моим сыном. Пусть Рамиро потревожит моих старых друзей, в чьих силах заступиться за меня или хотя бы избавить меня от дознания. Рамиро знает, к кому обратиться. Я рассчитываю на тебя, Сото. Спасибо тебе за все, и помни мои слова – ты достоин своих предков»...

Перед Сото открылась душераздирающая истина. Она едва не сбила его с ног, поэтому последующие несколько минут он просто сидел и приходил в себя. Мысли роились в голове одна другой страшнее, но порядка в них не было никакого. Однако мыслить сейчас следовало как никогда быстро и хладнокровно.

Как ответственный за безопасность хозяина, Сото допустил катастрофическую ошибку. И пусть противостоять Охотникам он все равно бы не сумел, ему было вполне по силам эвакуировать сеньора в безопасное место, откуда тот воспользовался бы своими знакомствами и, возможно, устранил проблему.

Ничего этого Сото не сделал, поскольку все произошло в тайне от него. Но как бы то ни было, он отвечал и отвечает за безопасность сеньора, а потому вину за произошедшее слагать с себя не намерен. Не успев спрятать сеньора от Охотников, Мара теперь в лепешку разобьется, но выполнит его просьбу... Не просьбу – приказ! Просьбы в такой ситуации неуместны. Сото найдет Рамиро и сделает это уже завтра утром. Ведь кому, как не Рамиро с его связями, заниматься спасением отца.

Сото отправляется в Мадрид незамедлительно...

Мара срочно отыскал самого опытного из своих тирадоров Пипо по прозвищу Криворукий. В отсутствие старшего тирадора Пипо всегда выполнял его обязанности. Сото сказал Криворукому, что уезжает на несколько дней, дабы заняться кое-какими поручениями, возложенными на него незадолго до стихийного отъезда сеньора. Пипо не удивился – частые отлучки Мара были в порядке вещей, а отлично вышколенная им охрана вполне способна несколько дней обойтись и без старшего. Сото не стал передавать через Пипо инструкции отправленному вслед за хозяином соглядатаю, поскольку надеялся перехватить его по дороге лично – посыльного следовало предупредить, чтобы помалкивал о том, куда доставили дона ди Алмейдо.

Сото заправил байк под горловину бензобака и, прихватив кое-что из своего удобного для ношения под одеждой оружия, покинул асьенду уже в сумерках. Ездить в потемках Мара не особо любил, но ждать до утра он был не вправе. Каждая минута промедления означала лишнюю минуту тяжких мучений пожилого сеньора, для которого и обычная ходьба по лестнице давно превратилась в муку.

Погруженный в мрачные мысли, Сото выехал на дорогу, что пролежала рядом с асьендой, огибала Сарагосу и шла напрямиком на Мадрид. Тусклый дрожащий свет мотоциклетной фары с трудом освещал путь и заставлял в темноте даже неглубокие выбоины казаться чуть ли не канавами. Мерный рокот четырехцилиндрового двигателя, за недюжинную мощь которого Сото прозвал свой байк «Торо», немного успокаивал вздыбленные нервы ездока. Выстреливающие из-под покрышек камни резко стучали по щитку картера. Путь предстоял неблизкий, но Мара помнил его наизусть, так что сюрпризов никаких не ожидал...

...И потому их появление было вдвойне неожиданным. Сото не провел в седле и полчаса, как, вынырнув из мрака, его настиг громадный внедорожник с затемненными фарами. Джип шутя обогнал мотоциклиста, ушел в небольшой отрыв, но вскоре резко затормозил и перегородил дорогу поперек. Мара вынужден был тоже сбросить газ и остановиться, хотя делать это очень не хотел.

О том, кто перекрыл ему путь, Сото догадался, когда фара Торо осветила внедорожник и рисунок на его дверце. На «Хантерах» в Святой Европе ездили лишь Охотники Инквизи-

ционного Корпуса, о чем лишний раз свидетельствовал красующийся на автомобиле герб их зловещего Братства.

Дверцы «Хантера» распахнулись, и из него выпрыгнули два Охотника в кожаных плащах и серых беретах. Оба сжимали в руках помповые карабины, нацеленные на мотоциклиста. Сото не выключал двигатель, все еще надеясь, что произошло недоразумение и он не тот, кто нужен этим серьезным парням, что могут безнаказанно пристрелить любого, даже за непроизвольно резкое движение.

– Глуши мотор! – рявкнул один из Охотников, качнув для пущей убедительности стволом карабина. – Быстрее!

Сото подчинился, щелкнул тумблером зажигания, после чего единственным источником света в округе остались затемненные фары стоявшего поперек дороги «Хантера». Впрочем, темнота продержалась недолго: не успел еще тирадор к ней привыкнуть, как в лицо ему ударил слепящий луч аккумуляторного фонаря – немыслимо дорогой игрушки, доступной опять же лишь Охотникам и представителям прочих силовых структур. Сото зажмурился и прикрыл глаза рукой.

– Подними руки! – крикнул держащий фонарь Охотник, а второй, не опуская карабина, приблизился к задержанному и рассмотрел его с близкого расстояния.

– Он? – спросил напарника Охотник с фонарем.

– Он самый! – довольно проговорил тот. – Чуть не удрал! Тот придурок на «трещотке», которого днем повязали, таким его и описывал...

«Значит, Рауль до Мадрида не добрался...» – с сожалением подумал Сото о посланном им за сеньором согладатае.

– Руки за голову! – приказал Охотник с карабином. – Медленно слезай на землю и становись на колени! Дернешься, и тебе конец!

В действительности все оказалось гораздо хуже, чем до этого представлял себе Сото. Охотники не просто арестовали сеньора, но и обложили асьенду. К тому же, исходя из случайно оброненной ими фразы, их по какой-то причине интересовала личность старшего тирадора дона ди Алмейдо. Видимо, этим и объяснялось пристальное внимание Гонсалеса к Мара. Сото тоже был обречен на арест, а парни в серых беретах только и ждали, когда он покинет асьенду, чтобы проделать все без лишнего шума.

Сото совершил на своем веку немало беззакония, причем такого, за которое ему давно светила виселица, но он никогда еще не вступал в открытый конфликт с Инквизиционным Корпусом. Однако правильно говорили люди: сколько веревочка ни вейся, конец найдется все равно. Наивный Мара, он считал, что в его силах предусмотреть все до мелочей, поэтому злодеяния будут сходиться ему с рук постоянно. Две прямые, два пути – путь Сото и путь тех, кто всегда ему незримо противостоял, – наконец-то пересеклись...

Схватка была неизбежна – тирадор не мог позволить себе угодить в лапы недругов, не выполнив приказа. Сото ничем не выказал, что готов к схватке, лишь внимательно наблюдал за противниками, которые считали, что контролируют ситуацию, и потому вели себя достаточно самоуверенно. В этом заключается слабое место многих представителей силовых структур: редко кто осмеливается бросать им вызов без оружия в руках; отсюда и вытекает заблуждение Охотников в собственной непобедимости.

Вместо того чтобы дожидаться, пока задержанный опустится на колени, Охотник с карабином закинул оружие за плечо и, понадеявшись на прикрытие товарища, полез в карман, очевидно за наручниками. За ними или нет, Сото не выяснил, поскольку, едва он сошел с мотоцикла, в один прыжок очутился рядом с Охотником и нанес ему молниеносный удар кулаком в голову. Тот самый коронный удар, который был опробован им в юности на турнирном бойце Бенни-Плетке.

То, что сработало на матером рукопашнике, на человеке, привыкшем больше воевать винтовкой, нежели кулаками, сработало и подавно. Охотник без чувств растянулся в пыли, так и не вынимая руки из кармана. Сото тем временем резво отпрыгнул в сторону, заботясь, чтобы выстрел другого Охотника случайно не зацепил ни его, ни Торо.

Второму Охотнику пришлось спешно стрелять из карабина одной рукой, так как в другой он удерживал фонарь, который отбросить даже не подумал: разобьется – не расплатишься. Карабин весил немало, и выстрел получился неприцельным. Тяжелая пуля рассекла воздух в метре от головы Сото и угодила в скалу, потом с противным звуком срикошетила от нее и унеслась в неизвестном направлении. Передернуть заряжающий механизм помповика одной рукой было для Охотника весьма проблематично, впрочем, он все равно не успел бы этого сделать – рядом с ним уже находился Мара с занесенным для удара кулаком...

Охотник зря переживал за свой фонарь – упав на землю, тот нисколько не пострадал. Чего нельзя было сказать о его хозяине, на время потерявшем сознание и навсегда – передние зубы. Замерев над телом поверженного противника, Сото обвел взглядом освещаемое уцелевшим фонарем поле боя, после чего посмотрел на свой кулак, поморщился и лизнул рассеченные о зубы Охотника костяшки. Бросить вызов самым грозным врагам в Святой Европе оказалось не так уж и сложно...

Ближайшие полчаса Охотники в себя не придут – это точно, убойную силу своего неотъемлемого оружия Сото Мара изучил неплохо. Но дабы перестраховаться, он открыл капот «Хантера» и вырвал из двигателя провода зажигания. Неплохо было бы вдобавок также слить ценный бензин, но бак у Сото был полон, да и драгоценное время терять не хотелось. К тому же, того и гляди, из-за поворота вырулит грузовик торговца или нарисуются собратья этих неудачников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.